ПЕНЗЕНСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ: 1-го 16 чиселъ.

Подписка принимается въ Редакціи при Пензенской Семинаріи,-въ квартирѣ Ректора.

Цѣна годовому изданію Вѣдомостей безъ доставки 4 р. 50 к. съ пересылкою 5 руб.

16 Іюля **№ 14.** 1874 года

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

УКАЗЪ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СѴНОДА.

Отъ 28 Марта 1874 г. за № 18.—*О сочиненіяхъ: г. Владиславлева „Логика“ и г. Орлова „курсъ исторіи русской Литературы“.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ слушали предложенные Господиномъ Оберъ-Прокуроромъ два журнала Учебнаго Комитета: *первый*, № 209, о допущеніи къ употребленію въ духовныхъ Семинаріяхъ, въ качествѣ учебнаго пособія при изученіи Логики, сочиненія профессора Императорскаго

С.-Петербургскаго Университета Владиславлева, подъ заглавіемъ: „Логика. Обозрѣніе индуктивныхъ и дедуктивныхъ пріемовъ мышленія и историческіе очерки Логики (С. П. б. 1872 г.)“, и *второй*, № 211, о рекомендованіи для употребленія въ духовныхъ Семинаріяхъ, въ качествѣ учебнаго пособія при изученіи Исторіи Русской литературы, составленнаго бывшимъ учителемъ Харьковской духовной Семинаріи Михаиломъ Орловымъ „Курса Исторіи Русской литературы (Выпускъ 1. С. П. б. 1873 г.)“ Приказали: Изложенныя въ означенныхъ журналахъ заключенія Учебнаго Комитета утвердить и, для объявленія Правленіямъ духовныхъ Семинарій къ надлежащему исполненію, препроводить, въ копіяхъ, при печатномъ указѣ епархіальнымъ Преосвященнымъ самые журналы Комитета.

Копія.

ЖУРНАЛЪ

Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, за № 209-мъ.

О сочиненіи профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета Михаила Владиславлева, подъ заглавіемъ: „Логика. Обозрѣніе индуктивныхъ и дедуктивныхъ пріемовъ мышленія и историческіе очерки логики Аристотеля, схоластической діалектики, логики формальной и индуктивной (С.-Петербургъ. 1872 г.)

Въ заглавіи подробно обозначено содержаніе книги г. Владиславлева, состоящей изъ логики собственно и изъ исто-

рическихъ очерковъ, относящихся къ важнѣйшимъ моментамъ въ развитіи этой науки. Историческіе очерки, составляющіе по объему почти половину книги, имѣютъ видъ приложенія къ логикѣ.

Книга г. Владиславлева отличается многими достоинствами какъ по своему существу или научному характеру, такъ и по изложенію.

Въ первомъ отношеніи достоинство ея состоитъ въ томъ, что авторъ совмѣстилъ въ ней, такъ называемую, формальную логику съ существенными и обще-признанными положеніями индуктивной логики. Правда, въ послѣднее время ни одинъ учебникъ и вообще ни одна книга формальной логики не обходится безъ того, чтобы не ввесть въ свой составъ по крайней мѣрѣ основныхъ положеній индуктивнаго процесса, но у г. Владиславлева это сдѣлано въ широкомъ размѣрѣ, такъ что онъ съ такою же полнотою и подробностію разсматриваетъ индуктивные пріемы мышленія и научнаго изслѣдованія, какъ и доказательные или дедуктивные. Одного перечня предметовъ, разсмотрѣнныхъ авторомъ въ этой части, было бы достаточно для того, чтобы показать, какъ широко онъ понялъ свою задачу; но къ этому должно прибавить, что онъ и исполнилъ ее совершенно удовлетворительно, внесши въ свою книгу все важнѣйшее и существенное и устранивши то, что кажется еще проблематическимъ, какъ напримѣръ, логика нравственныхъ наукъ и т. п.

Но усвояя лучшее, что выработано нѣмецкими и англійскими учеными въ этой наукѣ, авторъ подчиняется имъ не безусловно. Все содержащееся въ его логикѣ передумано имъ самимъ и прошло, такъ сказать черезъ критику его собственной мысли. Кромѣ того, въ нѣсколькихъ случаяхъ онъ дѣлаетъ попытки совершенно самостоятельнаго и независимаго отношенія къ предмету; такъ, напримѣръ, въ тео-

ріи сужденія онъ не соглашается ни съ Кантомъ, представителемъ формальной логики, ни съ Миллемъ, представителемъ индуктивной логики, и устанавливаетъ и раскрываетъ свое понятіе объ этомъ элементарномъ поцессѣ нашего мышленія.

Отдавая съ этой стороны справедливость г. Владиславлеву, должно однако сказать, что нѣкоторыя изъ его попытокъ къ этой независимости кажутся не довольно удачными.

Во 1-хъ, авторъ исключилъ изъ числа законовъ мышленія „законъ достаточнаго основанія". Доводы, по которымъ онъ сдѣлалъ и которыми старается оправдать это исключеніе, не представляются убѣдительными. Между тѣмъ этотъ законъ имѣетъ ту важную особенность, что становитъ это мышленіе на реальную почву и составляетъ важнѣйшій пунктъ связи формальной логики съ реальною, тогда какъ прочіе законы имѣютъ только формальное значеніе. Законъ „основанія" есть логическій принципъ, соотвѣтствующій метафизическому или реальному закону „причинности"; и потому требованія этаго закона прямо направляютъ нашу мысль къ наблюденію реальной связи между явленіями, что и составляетъ главное въ реальной логикѣ. Авторъ формальной логики еще могъ бы исключить этотъ законъ; но для автора дедуктивной и индуктивной логикъ онъ имѣлъ больше значенія, нежели всякій другой законъ.

Во 2-хъ, авторъ пріурочиваетъ къ ученію о понятіяхъ „научную терминологію, опредѣленіе и научную классифиикацію", и разсматриваетъ ихъ впереди сужденія. Что касается до *опредѣленія*, то ему здѣсь не мѣсто, потому что всякое опредѣленіе есть сужденіе, какъ и наоборотъ всякое сужденіе есть уже, до нѣкоторой степени, опредѣленіе. *Научная терминологія* и *научная классификація* суть далеко не элемен-

тарные логическіе пріемы и должны бы быть отнесены къ послѣдующимъ частямъ логики. Здѣсь же къ слову можно сказать, что глава „о терминогіи“ слишкомъ растянута. Кажутся также излишними разсужденія о томъ, „кому принадлежитъ право образованія терминовъ,“—о томъ, что „слова для терминовъ могутъ быть избираемы какъ изъ своего, такъ изъ чужаго языка“; „о невыгодахъ выбора именъ изъ чужихъ языковъ“;—точно также излишни и безцѣльны предостереженія „о необходимости съ нашей стороны большаго вниманія и осторожности въ образованіи терминовъ“. Для учащихся это безполезно, а для ученыхъ излишне. Совершенно такія же продостереженія авторъ дѣлаетъ въ главѣ „объ опредѣленіи“. „Такъ, говорилъ онъ,—Кантъ построилъ свои категоріи изъ первоначальнаго синтетическаго единства сознанія; Фихте конструировалъ внѣшній міръ изъ первоначальнаго ограниченія „я“ чрезъ „не—я.“ Но такъ какъ этотъ пріемъ допускаетъ крайній произволъ въ самомъ построеніи понятія, то прибѣгать къ нему безъ нужды не слѣдуетъ и въ употребленіи его должно быть крайне осторожнымъ“. Сомнительно, чтобы имѣли какую нибудь практическую пригодность совѣты не подражать Канту и Фихте въ томъ, безъ чего однакожъ одинъ не былъ бы Кантомъ, другой—Фихте. Правда, они взяты только для примѣра; но то, что указано въ нихъ, касается самыхъ основныхъ принциповъ философіи Канта и Фихте, которые какъ имѣютъ историческое происхожденіе, такъ могутъ быть и оцѣнены только съ исторической точки зрѣнія. Употреблять же или указывать ихъ въ нравоученіе другимъ, значитъ относиться къ нимъ не съ надлежащей точки зрѣнія, и столько же имѣетъ значенія, какъ, напримѣръ, убѣждать къ смиренію указаніемъ на судьбу Наполеона 1-го.

Въ 3-хъ, въ главѣ о сужденіяхъ авторъ сначала привелъ и объяснилъ Кантово раздѣленіе сужденій; потомъ, неудовлетворившись имъ, представилъ свое раздѣленіе. Въ этомъ

не было надобности, потому что главный недостатокъ Кантовой таблицы тотъ, что въ нее не укладываются аналитическія и синтетическія сужденія, не отвергая и не перестраивая Кантовой таблицы. Г. Владиславлевъ предпринялъ перестроить ее и нельзя сказать, что онъ сдѣлалъ это удачно. Явились, вмѣсто проблематическихъ, ассерторическихъ и аподиктическихъ сужденій—„сужденія возможныя, дѣйствительныя и необходимыя,“ не соотвѣтствующія тѣмъ—первымъ по прямому смыслу, какой соединяется съ этими русскими словами. Напр. *возможное* сужденіе есть такое, которое можетъ быть кѣмъ нибудь составлено; тогда какъ *проблематическое* есть такое, въ коромъ сказуемое можетъ быть усвоено извѣстному подлежащему и т. д. Далѣе, явилосъ раздѣленіе сужденій на вербальныя и реальныя, котораго Кантъ не могъ допустить или по крайней мѣрѣ не допустилъ, потому что формальная логика не знаетъ этого раздѣленія сужденій; между тѣмъ г. Владиславлевъ, принимая его съ точки зрѣнія реальной логики, не достаточно выяснилъ границу между реальными сужденіями и опредѣленіями, и перечисляя виды реальныхъ сужденій, насчитываетъ ихъ только четыре вида, говоря, „что они могутъ касаться равенства или неравенства предметовъ, подобія или сходства сосуществованія явленій и наконецъ ихъ преемства.“ Между тѣмъ они могутъ касаться также другихъ реальныхъ отношеній, напр. происхожденія явленій, причинной связи ихъ и проч. Говоря о „сложныхъ сужденіяхъ“, авторъ относитъ къ симъ только условныя и раздѣлительныя сужденія; между, тѣмъ подъ понятіе сложнаго сужденія можетъ быть подведено и категорическое, имѣющее нѣсколько подлежащихъ или сказуемыхъ. Милль, напр., говоритъ: „простое предложеніе есть такое, въ которомъ одно сказуемое утверждается или отрицается относительно одного подлежащаго.—Сложное предложеніе есть такое, въ которомъ болѣе одного сказуемаго или болѣе одного подлежащаго, или то и другое“.

Въ главѣ „объ умозаключеніи“ авторъ своеобразно различаетъ названія „умозаключенія“ и „силлогизма“, относя первое къ простымъ или непосредственнымъ выводамъ, а последнее—къ непосредственнымъ. Между тѣмъ уже потому, что въ непосредственныхъ умозаключеніяхъ собственно нѣтъ вывода, какъ новой мысли, и что въ этомъ кажущемся выводѣ только повторяется то, что было утверждаемо въ посылкѣ, можно усвоять этимъ выводамъ названіе умозаключенія только въ несобственномъ или слишкомъ широкомъ смыслѣ; въ собствевномъ же смыслѣ оно принадлежитъ только силлогизмамъ. Въ логикахъ то и другое названія „умозаключенія“, и „силлогизма“ употребляются обыкновенно безразлично для обозначенія какъ простыхъ или непосредственныхъ, такъ и посредственныхъ выводовъ. Вчастности, говоря о примѣненіи въ наукѣ и жизни силлогистическихъ пріемовъ разныхъ фигуръ, авторъ и о 3 фигурѣ выражается слишкомъ обще, что она употребляется особенно при нравственныхъ увѣщаніяхъ. Говоря о 4 фигурѣ, пишетъ: „въ этомъ пріемѣ мысль принимаетъ направленіе обратное и оттого ея заключенія кажутся неосновательными„ Слѣдуетъ примѣръ, которымъ надлежало подтвердить эту мысль; между тѣмъ авторъ послѣ примѣра говоритъ: „въ этомъ примѣрѣ не естественнаго сочетанія мыслей нѣтъ, равно какъ его не будетъ во всякомъ другомъ подобномъ умозаключеніи“.

Отдѣлы „объ индукціи и дедукціи“ изложено весьма полно и обстоотельно.

Такою же обстоятельностію излагаются историческіе очерки въ приложеніяхъ. Труды нѣмецкихъ ученыхъ въ формальной и англійскихъ—въ индуктивной логикѣ изложены довольно полно и оцѣнены безпристрастно, съ яснымъ пониманіемъ дѣла и здравою критикою. Объ этомъ отдѣлѣ сочиненія г. Владиславлева можно замѣтить только, что въ трактатѣ

„о схоластической логикѣ“, который могъ бы быть исключенъ весь безъ ущерба для дѣла и для достоинства сочиненія, авторъ посвятилъ слишкомъ много вниманія Раймунду Луллію и его таблицамъ предикатовъ и силлогистическихъ фигуръ. Страницы 122—130 страннымъ образомъ пестрятъ сочиненіе и одинаково не пригодны ни для учащихъ, ни для учащихся логикѣ. Между тѣмъ въ историческихъ очеркахъ нѣтъ ни слова о Тренделенбургѣ, Бенеке, Ибевергѣ и др., которые во всякомъ случаѣ больше имѣютъ значенія, нежели Раймундъ Луллій.

Изложеніе автора по всюду отличается простотою и ясностію. Нельзя не отнесть къ чести автора, что онъ вездѣ старается указать на примѣненіе логическихъ пріемовъ въ наукѣ и въ жизни. Можно, впрочемъ, сдѣлать нѣсколько замѣчаній и объ этой сторонѣ сочиненія г. Владиславлева. Напр. авторъ говоритъ: „пріемъ мышленія есть манера, которой мы слѣдуемъ въ обдумываніи или изслѣдованіи чего бы то ни было“. (стр. 7). Манера есть личный пріемъ изслѣдователя, такъ какъ логика есть наука объ общихъ, нормальныхъ пріемахъ, которые примѣняются каждымъ, сообразно его личной манерѣ. Говоря о законахъ ассоціаціи представленій, авторъ пишетъ: „законъ смежнозти вводитъ нѣкоторую связь и порядокъ въ наши представленія. Всеже лучше, когда представленія напоминаютъ другъ друга и связываются одно съ другимъ“ (стр. 36). Форма выражееія довольно странная, когда это есть законъ духовной дѣятельности человѣка, неподлежащій опредѣленію со стороны нашего желанія или нежеланія. „Мысль (т. е. мышленіе) отличается отъ дѣятельности представленія сознательностію“ (стр. 39). Это—психологически не точно, такъ какъ и механическая смѣна представленій въ душѣ происходитъ не безсознательно. „Физика имѣетъ въ виду дать стройную форму нашимъ знаніямъ о силахъ и

дѣятельностяхъ въ природѣ" (стр. 43):—не точно, такъ какъ физика имѣетъ задачею объясненіе явленій только неорганической природы; да и въ этой сферѣ часть ихъ уходитъ на долю химіи. „Можно имѣть прекрасныя понятія и очень дурно судить о вещахъ" (стр. 133). Этого быть не можетъ. Можетъ быть рѣчь только о быстротѣ или медленности въ составленіи правильныхъ сужденій, при ясныхъ понятіяхъ, а не о достоинствѣ этихъ сужденій. „Выполненіе этаго правила (относительно дѣленій) было бы желательно въ большинствѣ случаевъ" (стр. 121). Наука излагаетъ законы и общія правила, а не выражаетъ индивидуальныя желанія. На стр. 65, строка 12 сверху, законъ „исключеннаго третьяго" поставленъ, вѣроятно, по опечаткѣ вмѣсто закона „достаточнаго основанія".

Тѣмъ не менѣе въ виду неотъемлемыхъ научныхъ достоинствъ книги г. Владиславлева и общедоступности ея изложенія, Учебный Комитетъ полагалъ бы составленную профессоромъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета Владиславлевымъ „Логику (обозрѣніе индуктивныхъ и дедуктивныхъ пріемовъ мышленія и историческіе очерки логики С.-Петербургъ 1872 г.)" рекомендовать для употребленія въ духовныхъ семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго пособія при изученіи логики.

Копія.

ЖУРНАЛЪ

Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, за № 211-мъ.

О сочиненіи Михаила Орлова подъ заглавіемъ: „Курсъ исторіи Русской литературы (Выпускъ 1-й. С.-Петербургъ. 1873 года).“

Подлежащій разсмотрѣнію первый выпускъ исторіи русской литературы оканчивается обозрѣніемъ литературныхъ произведеній Карамзина и Жуковскаго. Значеніе его объясняетъ авторъ въ предисловіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „какъ бы органически правильно, осмысленно и систематично не (? ни) велось практическое преподаваніе исторіи литературы, все же необходимо будетъ чувствоваться потребность въ сводѣ и объедененіи предложеннаго матеріала, что не всегда возможно сдѣлать въ классѣ съ достаточною полнотою и отчетливостію. Учащимся всегда потребуется учебникъ для руководства, справокъ и повтореній“ (стр. IX). Въ виду незнакомства учениковъ съ гражданскою исторіею Россіи во 2-мъ классѣ, гдѣ только начинается изученіе оной и гдѣ однакожъ положено пройти всю исторію русской литературы, авторъ счелъ необходимымъ давать историческую обстановку и освѣщеніе разбираемымъ памятникамъ. Съ цѣлію же пополненія свѣдѣній по теоріи словесности и для болѣе отчетливаго пониманія историческаго и художественнаго значенія разбираемыхъ памятниковъ введены имъ „цѣлые трактаты о ложноклассицизмѣ, о мистеріяхъ и о новоромантизмѣ, а равно и отрывочныя замѣчанія (?), разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ курса“ (стр, X).

Первый выпускъ учебника г. Орлова дѣйствительно составленъ примѣнительно къ синодальной программѣ исторіи русской литературы, съ незначительными отступленіями. Подъ ними впрочемъ не нужно разумѣть выше названные авторомъ, по его словамъ, введенные имъ въ курсъ цѣлые трактаты о ложноклассицизмѣ, о мистеріяхъ и о новоромантизмѣ. Всѣ эти вопросы находятся въ программѣ. О первомъ и послѣднемъ упоминается въ опредѣленіи III періода, которое гласитъ такъ: „періодъ новой подражательной литературы подъ преимущественнымъ вліяніемъ ложноклассицизма и романтизма" (стр. 3). Вопросъ о мистеріяхъ заключается въ слѣдующихъ словахъ программы, въ 20-й статьѣ ея: „начало драмы въ Россіи". Изъ этого очевидно, что вышеупомянутые трактаты введены авторомъ въ курсъ исторіи русской литературы не произвольно, а по требованію программы. Болѣе замѣтное отступленіе отъ синодальной программы состоитъ въ отсутствіи отвѣта на вопросъ о народной великорусской поэзіи XVII вѣка, находящійся въ программѣ на 3-й страницѣ въ 15 статьѣ. Произведенія эти конечно не богаты числомъ, но положеніе упоминаемыхъ въ нихъ лицъ мѣтко характеризуется съ народной точки зрѣнія, напр Дмитрія Самозванца, Царевны Ксеніи, Скопина-Шуйскаго, Стеньки Разина и др. Отнесенная къ той же 15 статьѣ въ программѣ самостоятельная повѣсть о Флорѣ Скобѣевѣ XVII вѣка, безъ всякаго основанія, разсмотрѣна не на своемъ мѣстѣ, а ранѣе (стр. 97) сочиненій Царя Іоанна Грознаго и кн. Курбскаго, даже разсказа о Шемякиномъ судѣ. Поэтому означенный вопросъ о народной поэзіи XVII вѣка въ великороссіи на своемъ мѣстѣ не затрогивается ни однимъ словомъ.

Въ немногихъ мѣстахъ курса, наоборотъ, есть излишнее для краткаго учебника, не представляющее существенно важныхъ объясненій для литературныхъ произведеній, особенно

при отвлеченномъ, слишкомъ общемъ изложеніи, большею частію безъ примѣровъ, таковы:

а) объясненія періода миѳологическаго и героическаго (стр. 6—9), статьи о заговорахъ и наговорахъ (стр. 11—14), о праздникахъ (стр. 18—22), о бракахъ у древнихъ славянъ (стр. 24—27), о примѣтахъ (стр. 14) и под.

б) совершенно напрасно введенные въ исторію русской литературы нѣкоторые историческіе разсказы, напр. о пріемѣ великой княгини Ольги при дворѣ греческаго Императора (стр. 60—61), о Святославѣ (стр. 61), ни чего не объясняющіе въ литературныхъ произведеніяхъ. Сравненіе разобраннаго отрывка изъ лѣтописи съ разсказомъ Карамзина о томъ же предметѣ (стр. 62—63) должно бы имѣть мѣсто въ теоріи словесности, такъ какъ изъ него выводится понятіе о различіи между лѣтописцемъ и историкомъ, въ чемъ исторія литературы не нуждается.

За исключеніемъ вышеуказаннаго незначительнаго пропуска, учебный матеріалъ въ курсѣ исторіи русской литературы представленъ довольно полно и большею частію вѣрно. Каждая статья программы получила въ курсѣ разъясненіе при разсмотрѣніи отнесенныхъ къ ней литературныхъ произведеній или собраніемъ общихъ приговоровъ о характерѣ ихъ. Во многихъ случаяхъ содержаніе сочиненій изложено словами подлинника, особенно въ мѣстахъ наиболѣе выдающихся. Такимъ способомъ до нѣкоторой степени сохраненъ въ курсѣ характеръ изложенія подлинника, что можетъ содѣйствовать напоминанію характера самаго сочиненія. Но, гоняясь за полнотою содержанія исторіи русской литературы, авторъ иногда опускалъ изъ виду современныя требованія отъ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній, и потому вмѣсто обстоятельнаго и доказательнаго указанія свойства

какого либо сочиненія или характера сочиненій писателя хоть на краткомъ разборѣ одного или не многихъ изъ нихъ, или отдѣльныхъ мѣстъ, онъ довольствовался общими мѣстами, голословною, неопредѣленною фразою и собраніемъ приговоровъ о литературной дѣятельности писателя или о характерѣ большаго его сочиненія. Такъ, вмѣсто литературной хактеристики повѣствовательнаго изложенія въ исторіи Государства Россійскаго относительно нѣкоторыхъ событій и лицъ, онъ повторяетъ извѣстные общіе приговоры о характерѣ Исторіи Карамзина, чего нельзя признать годнымъ для учениковъ средняго учебнаго заведенія. Кромѣ того, встрѣчаются невѣрныя выраженія, затемняющія смыслъ; есть неправильности даже въ правописаніи, которыхъ тщательно бы слѣдовало избѣгать въ учебникѣ, имѣющемъ большое значеніе въ глазахъ учениковъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Обращаясь къ частнымъ недостаткамъ разсматриваемаго учебника, прежде всего остановимся на голословности или бездоказательности, какъ на весьма вредномъ свойствѣ учебника.

а) На 54 стр. сказано: „въ немъ (въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи) находятся многія (какія именно?) мѣста которыя не могли (почему?) принадлежать Нестору“. Твердо изучившій эту мысль въ учебникѣ все же не будутъ знать: которыя мѣста и почему не могли принадлежать Нестору. Тоже самое нужно замѣтить объ упоминаемой на той же страницѣ припискѣ послѣ 1110 года на лѣтописи.

б) Стр. 195 увѣряетъ, что всего болѣе роняло и даже портило въ стилистическомъ отношеніи рѣчь въ первыхъ сочиненіяхъ Карамзина употребленіе множества галлицизмовъ, иностранныхъ словъ и вообще не русскихъ оборотовъ рѣчи, но не приведено ни одного примѣра при такомъ осужденіи одного изъ лучшихъ нашихъ писателей.

в) „Довольно непріятно поражаютъ современнаго читателя тѣ нравственные уроки и правила, которые Карамзинъ извлекаетъ изъ разсказанныхъ событій, или которыми сопровождаетъ и пересыпаетъ самый разсказъ“, говоритъ стр. 220, но не указано при этомъ ни одного ни урока, ни правила.

г) „Въ это время, говоритъ авторъ на стр. 201, Жуковскій написалъ нѣсколько (?) балладъ..... его неудачная любовь къ близкой родственницѣ вызвала рядъ романсовъ и элегій“...., но не указано ни одного.

д) „Жуковскій употреблялъ въ своихъ стихахъ (стихотвореніяхъ) самые разнообразные размѣры“ (стр. 205). Вмѣсто этой голословной фразы поименовать бы самые размѣры которыми написаны тѣ или иныя стихотворенія, иначе голословная фраза остается безплодною и даже вредною въ учебникѣ, такъ какъ узнавшій ее еще совершенно не знаетъ существа дѣла, а между тѣмъ, по неопытности, можетъ думать, что онъ узналъ то, что слѣдуетъ знать о Жуковскомъ.

е) „Въ своихъ переводахъ (стр. 204) Жуковскій нерѣдко возвышался до воспроизведенія подлинника“; на это „нерѣдко“ также не приведено ни одного примѣра.

ж) Такая же бездоказательность встрѣчается и въ характеристикѣ многихъ сочиненій писателя. „Торжественныя или патріотическія оды Державина“, говоритъ авторъ на стр. 157-й, „считались образцами высокой поэзіи. Поэтъ относился съ своими пѣснями ко всѣмъ замѣчательнымъ событіямъ Двора и прославлялъ подвиги полководцевъ. Онѣ написаны подъ вліяніемъ ложно-классической оды, съ соблюденіемъ всѣхъ витійственныхъ украшеній. Эти оды Державина лишены естественности и оригинальности. Онѣ—плодъ натянутаго риторическаго восторга, а не искренняго поэтическаго вдохновенія. Въ нихъ нѣтъ ни поэтической, ни

исторической правды. Только по мѣстамъ прорываются удачныя описанія, замѣчательныя картины и другія частности, нечуждыя поэтическаго и высокаго чувства". Затѣмъ приведены названія пяти лучшихъ одъ. Этими чертами характеризуетъ авторъ торжественныя оды Державина. Всѣ онѣ вѣрны, за исключеніемъ отрицанія въ этихъ одахъ поэтической правды, которое при томъ же не гармонируетъ съ тѣмъ, что въ началѣ 160-й страницы авторъ называетъ сочиненія Державина блестящею лѣтописью царствованія Екатерины II-й, слѣдовательно, и въ торжественныхъ одахъ его есть поэтическая правда, только своеобразно, по духу вѣка, выраженная.

Означенная характеристика торжественныхъ одъ Державина является въ курсѣ слишкомъ отвлеченною, голословною, такъ какъ ни одного положенія своего не опираетъ на указаніи того или инаго свойства въ томъ или другомъ мѣстѣ какой либо оды. Изученіе такого изложенія учебнаго матеріала не можетъ остаться безвреднымъ, такъ какъ пріучаетъ къ схватыванію верхушекъ безъ ознакомленія съ существомъ дѣла тамъ, гдѣ изученіе всего болѣе должно быть доказательно.

з) Разсмотрѣвши Державина въ 4-хъ отдѣлахъ (біографія оды философскія, торжественныя и сатирическія,) авторъ особую статью посвящаетъ раскрытію „значенія одъ его", которое онъ полагаетъ въ томъ, что хотя его сочиненія дѣйствительно являются блестящею лѣтописью царствованія Екатерины II, но въ нихъ напрасно стали бы искать полнаго (?) выраженія Екатерининскаго времени, изображенія и пониманія (?) внутренняго смысла и значенія фактовъ,—Державинъ не былъ поэтомъ мыслителемъ" (стр. 160). Эта послѣдняя мысль повторяется до конца статьи въ общихъ фразахъ, голословно и бездоказательно, даже не умѣстно въ учебникѣ для средняго учебнаго заведенія, которому не по силамъ зани-

маться объясненіемъ: кто былъ поэтъ—мыслитель и кто не былъ таковымъ и почему.

По мѣстамъ въ разсматриваемомъ курсѣ встрѣчаются невѣрныя понятія объ излагаемыхъ предметахъ напр.

а) На 1-й стр. авторъ говоритъ, что „событія и явленія народной жизни, духовныя потребности и стремленія къ чему то высшему и лучшему, съ большою или меньшею ясностію, сознаются обыкновенно народомъ, его творческою фантазіею, мало по малу облекаются въ опредѣленные образы называемые *типами* или *идеалами*". Здѣсь смѣшаны и соединены въ одно два различныя понятія; типъ и идеалъ, изъ коихъ первое опирается на прошедшее, а послѣднее витаетъ въ будущемъ. Городничій въ „ревизорѣ" Гоголя есть типъ, почему что совмѣщаетъ въ себѣ важнѣйшія черты, свойственныя бывшимъ городничимъ, но ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть названъ идеаломъ городничаго, такъ какъ такимъ не долженъ быть городничій Гоголя. Вообще поэтическій типъ можетъ сдѣлаться чьимъ либо идеаломъ, какъ это и случалось, но не на оборотъ. Эти же понятія на страницѣ 9-й вѣрно отличены.

б) „Число выходцевъ изъ кіевомогилянскаго коллегіума", говорится на страницѣ 127-й, „болѣе и болѣе увеличивалось въ Москвѣ, особенно со времени открытія эллиногреческаго училища (1679), которое устроено было по образцу кіевомогилянскаго коллегіума и въ которомъ учителями были кіевскіе воспитанники". Факты однакожъ говорятъ противное тому, что высказалъ здѣсь разсматриваемый курсъ. Уже давно сдѣлалось извѣстнымъ, что въ 1679 году греческое училище въ Москвѣ основано было по мысли русскаго іеромонаха Тимоѳея, который назначенъ былъ и первымъ его ректоромъ, а первымъ учителемъ былъ свѣтскій грекъ Мануилъ и послѣ него грекъ же Іеромонахъ Іоакимъ. Преподаваніемъ

въ немъ высшихъ наукъ съ 1685 года занимались ученѣйшіе греки Лихуды. По устраненіи ихъ отъ этаго училища чрезъ 9 лѣтъ, мѣста ихъ заняты были ихъ учениками: Семеновымъ, Поликарповымъ, Іовомъ, докторомъ Палладіемъ Роговскимъ. Такимъ образомъ выходитъ, что болѣе 20 лѣтъ въ греческомъ училищѣ учителями были не кіевскіе воспитанники и самое училище заведено было не по образцу кіово-могилянскаго коллегіума. Кіевскіе ученые и порядки кіевскаго коллегіума допущены были вь означенное греческое училище въ Москвѣ только въ началѣ XVIII вѣка, когда оно, преобразованное подъ именемъ коллегіи, поручено было вѣдѣнію извѣстнаго Стефана Яворскаго.

в) На стр. курса, предшествующихъ 139-й, во многихъ мѣстахъ (стр. 5—51, 73, 96—98, 117—123) разсмотрѣны произведенія свѣтскія, напр. пѣсни великорусскія и малорусскія, сказки, народныя повѣсти и пр., а слово о Полку Игоревѣ приравнено къ эпическимъ произведеніямъ классическаго міра (стр. 73). Послѣ того, 139 стр. увѣряетъ, что до Кантеміра не было у насъ свѣтской литературы; онъ первый является свѣтскимъ писателемъ". Конецъ той же страницы дополняетъ, что „это (сатиры Кантеміра) первыя произведенія нашей свѣтской литературы". На стр. 154-й и о Ломоносовѣ сказано, что литературтныя формы его положили „начало и основаніе на руси свѣтской изящной литературѣ". Послѣдняя мысль явилась въ курсѣ отголоскомъ мнѣнія, уже давно оставленнаго, что до XVIII вѣка у насъ не существовало литературы, а была только письменность. Это высказано въ ту пору, когда народныя произврденія не были надлежаще обслѣдованы и оцѣнены по достоинству. Теперь же, когда и разсматриваемый курсъ въ древнихъ народныхъ произведеніяхъ признаетъ литературное достоинство и самъ называетъ ихъ (стр. V, VI), свѣтскими, нельзя повторять задовъ, не подвергаясь опасности впасть въ противорѣчіе

самому себѣ. Во избѣжаніе этого слѣдовало бы сказать, что са XVIII вѣка началась у насъ литература въ общеевропейскихъ формахъ.

г) „Въ этомъ трудѣ (грамматикѣ) Ломоносовъ пользовался трудами Зизанія и особенно Смотрицкаго“, говоритъ на стр. 146-й авторъ совершенно голословно, такъ какъ не объяснено имъ: что Ломоносовъ, составившій грамматику русскаго языка, могъ заимствовать и дѣйствительно взялъ у Зизанія и у Смотрицкаго, коихъ грамматики по его словамъ „содержали въ себѣ правила исключительно церковно славянскаго языка“. Изъ грамматики Зизанія, составленной по системѣ греческихъ грамматикъ и не менѣе для изученія греческаго языка, нежели церковно-славянскаго, въ которомъ она еще не замѣтила формъ для всѣхъ падежей, нечего было заимствовать Ломоносову. Въ грамматикѣ Смотрицкаго онъ не замѣтилъ видовъ глагола и въ своей грамматикѣ не развилъ этого ученія о важнѣйшемъ свойствѣ русскаго глагола. Вѣроятнѣе всего, Ломоносову могли быть болѣе извѣстны и полезны передѣлки Смотрицкаго грамматики, сдѣланныя и напечатанныя въ 1721 и 1723 годахъ Поликарповымъ и Максимовымъ, также грамматическіе труды Копьевича и Ададурова, напечатанные гораздо ранѣе его грамматики, такъ какъ въ нихъ для изученія русскаго языка уже кое—что сдѣлано, а общая часть его грамматики могла быть составлена подъ вліяніемъ сочиненія о томъ же предметѣ француза Куръ-де Желебенъ.

д) Такъ же невѣрно на 148 й стр. сказано о риторикѣ Ломоносова, что „это первая и самая лучшая на русскомъ языкѣ риторика“, такъ какъ риторика была на русскомъ языкѣ ранѣе его, а его риторика дѣйствительно была первая у насъ изъ печатныхъ.

е) Въ числѣ историческихъ пословицъ на стр. 17-й приведена авторомъ слѣдующая: „пришли казаки съ Дону, погнали ляховъ до дому“, и прибавлено, что она указываетъ

на освобожденіе въ XVIII вѣкѣ отъ поляковъ южной и западной Россіи". Сколько извѣстно, въ XVIII вѣкѣ не было случая донскимъ казакамъ принимать участіе въ освобожденіи югозападной россіи отъ поляковъ, а въ XVII вѣкѣ донскіе казаки дѣйствительно приходили выгонять поляковъ изъ Москвы и Московскаго Государства. Не къ этому ли случаю вѣроятнѣе относить означенную пословицу?

ж) На 156 стр. не вѣрно сказано, что въ 1800-мъ году Державинъ назначенъ былъ министромъ юстиціи, когда и министерствъ еще не существовало, а на предъидущей страницѣ собственныя слова Державина о неспособности его парить по примѣру Ломоносова искажены до безсмыслицы.

Въ немногихъ мѣстахъ встрѣчается недостаточно опредѣленно высказанное или оставленное безъ объясненій:

а) Сказанное на 52—53 стр. объ Остромировомъ евангеліи касается его только съ внѣшней стороны и въ краткомъ учебникѣ могло бы сократиться болѣе, нежели на половину къ выгодѣ дѣла. Особенности языка Остромірова евангелія и Несторовой лѣтописи указаны далѣе на стр. 67—69-й. Въ числѣ ихъ упомянуты однакожъ только гласныя буквы, о формахъ же словъ и о сплошномъ письмѣ ничего не сказано. Правда на концѣ 68 стр. есть увѣреніе, что „текстъ Остромірова евангалія въ словахъ и грамматическихъ формахъ вполнѣ сходенъ съ древне-славянскимъ языкомъ", но это выраженіе высказываетъ только то, что текстъ Остромірова евангелія сходенъ съ самимъ собою, ибо на предъидущей страницѣ сказано, что Остромірово евангеліе должно быть положено въ основу изученія древне-славянскаго языка. Дѣйствительно, почти въ немъ одномъ можно изучать особенности древне-славянскаго языка, такъ какъ, кромѣ него, до сихъ поръ извѣстны только два—три небольшіе отрывка, современные ему.

б) На стр. 68—69 курсъ удостовѣряетъ, что въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи замѣтны уже значительныя отступленія отъ древне-славянскаго языка въ словахъ и грамматическихъ формахъ; при этомъ указаны только не многія его особенности въ звукахъ и въ синтаксисѣ, но ни одной въ формахъ, вопреки обѣщанію. Между тѣмъ въ XIV вѣкѣ формы староруского языка не только отдѣлились отъ древне-славянскаго, но въ большинствѣ случаевъ опредѣлились и высказались не столько въ лѣтописяхъ, сколько во многочисленныхъ актахъ и грамотахъ, о которыхъ слѣдовало-бы курсу упомянуть, какъ о матеріалѣ для изученія староруского языка, весьма пригодномъ для письменныхъ упражненій учениковъ.

в) При разборѣ языка нѣкоторыхъ мѣстъ изъ лѣтописи Нестора иныя слова по неизвѣстной причинѣ оставлены безъ объясненій, напримѣръ: отроци, мужи (стр. 57), мужа нарочиты (стр. 58). и др.

Въ слѣдующихъ мѣстахъ замѣтно выдаются неправильности въ выраженіи:

а) Относительно употребленія частицы *не*; напр. „какъ бы правильно не (?) велось преподаваніе исторіи литературы" стр. IX); „какъ бы не (?ни) былъ богатъ частный человѣкъ" (стр. 45); „сколько бы не (? ни) было съ героемъ приключеній, какъ бы они не (?) были тяжелы" (стр. 142); „въ какомъ бы ужасномъ образѣ не (? ни) представлялась ему смерть" (стр. 157). Во всѣхъ этихъ случаяхъ вмѣсто *не* должно бы стоять *ни*, какъ не заключающее въ себѣ отрицанія, вовсе не требуемаго смысломъ указанныхъ мѣстъ.

б) Въ выраженіяхъ: „пьютъ кровь съ младенцевъ" (стр. 29), „стихосложеніе, заимствованное съ польскаго языка, (стр. 126), „куда (въ Кіевъ,) ова (мистерія) явилась

чрезъ Польшу съ западной европы (стр. 161)". При управленіи родительнымъ падежомъ предлогъ *съ* означаетъ движеніе съ поверхности, съ внѣшности, съ предѣла, чего не требуется выразить ни въ одномъ изъ означенныхъ случаевъ, а потому онъ не умѣстенъ тамъ и не можетъ замѣнить предлога изъ.

в) Произведенія древней русской литературы, говорится на стр. 48, и въ отношеніи слога „не могутъ имѣть тѣхъ отличій и разнообразныхъ пріемовъ (?), какіе, естественно, находятся между (? въ) произведеніями письменными".

Нѣкоторыя выраженія въ курсѣ неточно передаютъ мысль:

а] „Между этими (стр. 97—98) шуточными разсказами и анекдотами (по преимуществу польскаго происхожденія) заслуживаютъ полнаго вниманія: (?) сатирическій разсказъ „Шемякинъ судъ" и „сказка о Ершѣ Ершевѣ, сынѣ Щетинниковѣ". Подразумѣваніе вставленныхъ здѣсь словъ (по преимуществу польскаго просхожденія) является необходимымъ по связи съ предшествовавшею рѣчью, а въ этомъ то и состоитъ невѣрность передачи факта или по крайней мѣрѣ неточность выраженія.

б] На стр. 126 смѣшано понятіе о стихѣ со стихотвореніемъ, напр. „этимъ размѣромъ (силлабическимъ) учитель и ученики коллегіума написали громадное количество стиховъ (вм. стихотвореній)". Тамъ же о силлобическомъ стихосложеніи сказано, что оно было „единственнымъ и самымъ распространеннымъ родомъ литературнаго стиха", хотя стихосложеніе не называютъ родомъ стиха.

в) Въ началѣ 49 стр. смѣшано понятіе о слогѣ простонародномъ и народномъ, о рѣчи и слогѣ.

г) Въ выраженіи: онъ позанкомился съ Демитревскимъ,— впослѣдствіи лучшимъ его другомъ", слово *его* должно бы. быть замѣнено словомъ „своимъ" такъ какъ оно должно относиться къ слову онъ, какъ къ подлежащему.

д) На 190 страницѣ сказано, что съ 1802 года Карамзинъ началъ издавать Вѣстникъ Европы, въ которомъ къ литературному отдѣлу присоеденилъ отдѣлъ политическій, гдѣ разбирались вопросы внутренней и внешней политики Но (?) съ этого же изданія начало опредѣляться главное призваніе Карамзина". Мысль вообще вѣрна, но частица „но" противъ выраженіе ея, потому что должна означать противоположность, которой на самомъ дѣлѣ нѣтъ.

е) Встрѣчаются слѣдующія выраженія: „миѳологическія сказки, миѳологическій періодъ" (стр. 6)—вмѣсто миѳическій; обыденный слогъ, [стр. 49), обыденный предметъ (стр. 159 160)—вмѣсто обыкновенный. „Недостающее число звуковъ (? стр. 52, вм. буквъ въ Кириллицѣ) восполнено было изъ алфавитовъ другихъ языковъ: еврейскаго, армянскаго и коптскаго", а латинскій и забытъ. „Свадебные обряды и пѣсни остались отъ различныхъ (разныхъ?) эпохъ народной жизни и перешли (куда?) изъ различныхъ (разныхъ?) мѣстностей (стр. 23). Вотъ почему мы необходимо должны обратиться къ историческимъ свидѣтельствахъ о способахъ (? обычаяхъ) брака у древнихъ славянъ" (стр. 23). „Добровольный приводъ жены" (вмѣсто невѣсты стр. 26). „Онъ терпѣлъ матеріальную нужду (стр. 144), такъ какъ получалъ на содержаніе всего только одинъ алтынъ", а не сказано: на сколько времени. Въ ряду народныхъ произведеній [стр. 47] мы не встрѣчаемъ произведеній, посвященныхъ изображенію природы. Здѣсь нѣтъ даже и такихъ обширныхъ (?) картинъ взятыхъ изъ природы, какія сплошь и рядомъ встрѣчаются

въ произведеніяхъ образованныхъ поэтомъ". Гдѣ нѣтъ описаній природы, тамъ бы не слѣдовало искать обширныхъ картинъ ея!

ж) Есть обмолвки въ употребленіи глаголовъ и особенно видовъ ихъ, напр. „онъ взъѣхалъ на дворъ" (стр. 180)— вмѣсто въѣхалъ, такъ какъ взъѣхать можно только на возвышеніе, на холмъ и под., а дворъ представляетъ огороженное мѣсто. „Первыя свои произведенія Аблесимовъ представилъ (стр. 181 вмѣсто представлялъ] на судъ Сумарокова и отдалъ (отдавалъ) въ печать". Подобное на стран. 182.

Въ книгѣ, придназначаемой быть руководствомъ для неокрѣпшихъ еще въ правописаніи ученикобъ, нельзя необратить вниманія на весьма слабый надзоръ за исправностію печатаемаго текста, такъ какъ нѣсколько разъ повторяются въ цемъ неправильности въ переносѣ словъ изъ строки въ въ другую или въ разстановкѣ знаковъ препинанія, напр. соз-наются стр. 1; ув-лекся стр. 94; заключается стр. 159; сов-ременники, вст-рѣчи стр. 179; ос-новательно стр. 188; воп-росы стр. 190 и др. Двѣ точки иногда стоятъ тамъ, гдѣ нѣтъ основанія быть никакому знаку препинанія напр. „Они бранятъ сваху, называя ее: (?) Змѣей семиглавою, семихвостою (стр. 28)" „Что видно: (?) а, изъ употребленія многихъ формъ и б) изъ частнаго употребленія образныхъ выраженій" (стр. 98). Между разсказами и анекдотами заслуживаютъ вниманія: (?) сатирическій разсказъ и сказка (стр, 98). „Къ первой группѣ принадлежитъ: (?) переложенія псалмовъ, гимнъ солнцу, истина" (стр. 156). „Представителями романтизма были: (?) Людвигъ Тикъ, Новалисъ, Гофманъ, и др. (стр. 187]. Въ послѣднихъ случаяхъ двоеточіемъ даже подлежащее отдѣлено отъ сказуемаго, что никогда не должно бы быть допускаемо.

Принимая во вниманіе, что число учебниковъ по исторіи русской литературы вообще очень не велико и допущенный къ употребленію въ семиріяхъ учебникъ г. Стоюнина не вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію, имѣя въ виду, съ другой стороны, нѣкоторыя хорошія стороны, разсмотрѣннаго курса исторіи русской литературы г. Орлова, которыми ученики могли бы воспользоваться, и возможность исправленія указанныхъ въ немъ недостатокъ, учебный Комитетъ полагалъ бы составленный бывшимъ учителемъ Харьковской духовной семинаріи Михаиломъ Орловымъ „Курсъ исторіи Русской литературы (Выпускъ первый. С.-Петербургъ. 1873 г.)“ рекомендовать къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ, въ качествѣ учебнаго пособія, при изученіи исторіи Русской литературы,— съ тѣмъ, чтобы составитель, при слѣдующемъ изданіи означенной книги, тщательно пересмотрѣлъ оную и исправилъ всѣ замѣченные въ ней недостатки.

II.

Отъ Хозяйственнаго управленія при Св. Синодѣ.

1. Хозяйственное управленіе симъ извѣщаетъ правленія дух. Семинарій, что допущенныя опредѣленіемъ св. Синода 21 Февраля / 5 Апрѣля 1874 г. для употребленія въ дух. семинаріяхъ, въ качествѣ учебныхъ пособій: а., Русская историч. Христоматія (СПБ. 1873 г.) Петрова по исторіи Рус. Литературы и б., учебная христоматія съ толкованіями, ч. 2-я (СПБ. 1872 г.) Полеваго—при изученіи теоріи Словесности могутъ быть пріобрѣтаемы установленнымъ порядкомъ изъ Хозяйственнаго управленія по слѣдующимъ цѣнамъ: первая *по одному рублю 25 коп.*, а вторая *по пятидесяти по двѣ копѣйки* за экземпляръ.

2., Хозяйственное управленіе симъ извѣщаетъ правленія дух. училищъ, что допущенныя, опредѣленіемъ св. Синода $\frac{\text{21 Февраля}}{\text{3 Апрѣля}}$ 1874 г., для употребленія въ дух. училищахъ, въ качествѣ учебныхъ пособій для учителей при подаваніи русскаго языка, составленныя учителемъ Минской Гимназіи Шалковичемъ, три книги подъ заглавіеми: а., „Практическая русская грамматика для начальнаго преподованія русскаго языка" б., „русская грамматика — учебникъ для 1 класса гимназій" и в., „руководство для письменныхъ занятій по русскому языку" могутъ быть пріобрѣтаемы, установленнымъ порядкомъ, изъ Хозяйств. управленія по слѣдующимъ цѣнамъ: первая *по тридцати пяти копѣекъ*, вторая и третья *по двадцати пяти коп.* за экземпляръ.

3., Хоз. управленіе симъ извѣщаетъ правленія дух. Семинарій, что допущенный, опредѣленіемъ Св. Сѵнода отъ $\frac{\text{21 Декабря}}{\text{31 Января}}$ $18\frac{73}{74}$ г., къ употребленію въ дух. Семинаріяхъ, въ качествѣ учебнаго пособія, составленный кандидатомъ — педагогомъ при 2 С. П.-Бургской гимназіи Михаиломъ Орловымъ „курсъ исторіи русской Литературы" (выпускъ 1-й С. П.-Б. 1873 г.) можетъ быть пріобрѣтаемъ, установленнымъ порядкомъ, изъ Хоз. управленія *по девяносто пяти коп.* за экземпляръ.

4., Хоз. управленіе симъ извѣщаетъ правленія дух. Семинарій, что допущенныя опредѣленіемъ Св. Сѵнода $\frac{\text{25 Января}}{\text{6 Февраля}}$ и $\frac{\text{12 Марта}}{\text{26 Апрѣля}}$ 1874 г., для употребленія въ дух. Семинаріяхъ: а, „учебное руководство по предмету Св. Писанія, для учениковъ 1 класса дух. Семинарій" составленное преподавателемъ Кавказской Семинаріи Аѳанасьевымъ, и б., „Французская христоматія", въ качествѣ пособія для домашнихъ занятій воспитанниковъ по французскому языку, составленная г. Фену,

могутъ быть пріобрѣтаемы, установленнымъ порядкомъ, изъ Хоз. управленія: первое — *по рублю 5 коп.*, а вторая *по рублю 33 коп.* за экземпляръ.—(Дух. Вѣс. №№ 23 и 24,—1 874 г.)

III.

СВѢДѢНІЯ ПО ПЕНЗЕНСКОЙ ЕПАРХІИ.

По постановленію Пензенскаго Епархіальнаго Начальства отъ $\frac{15}{18}$ Іюня сего 1874 года, уволившійся, по прошенію, воспитанникъ 1-го класса Пензенской Духовной Семинаріи, Священническій сынъ Иванъ Андреевъ Покровскій, согласно его прошенію, опредѣленъ писцомъ 2-го разряда Пензенской Духовной Консисторіи. Іюля 26 дня 1874 года.

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА:

Прихожанамъ села Завиваловки, Чембарскаго уѣзда, за пожертвованіе 141 руб. на исправленіе ветхостей приходской церкви, и приходскому Священнику Алексѣю Бѣлякову, церковному старостѣ, крестьянину Кирѣю Вехову и Волостному Старшинѣ Степану Миронову за дѣятельное участіе въ семъ дѣлѣ.

Прихожанамъ села Краснополья, Наровчатскаго уѣзда, за пожертвованіе 91 руб. 59 коп. на исправленіе ветхостей приходской церкви.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ (*)

учениковъ Пензенскаго Духовнаго училища, составленный по окончаніи 18 73/74-го учебнаго года.

Классъ IV-й.

А., *Ученики, окончившіе полный курсъ ученія.*

Разрядъ первый.

1., Евгеній Бекетовскій.
Николай Переспѣловъ.
Михаилъ Алферьевъ.
Николай Лентовскій.
5., Семенъ Архангельскій.
Александръ Ильминскій.
Ѳедоръ Соколовъ.
Иванъ Студенцовъ.
Николай Любимовъ.
10., Павелъ Лебедевъ.

Разрядъ вторый.

Константинъ Успенскій.
Димитрій Дѣвиченскій.
Александръ Земблиновъ.
Александръ Несмѣловъ.
15., Михаилъ Кипарисовъ.
Николай Романовъ.
Михаилъ Добровольскій.
Николай Вратскій.
Іосифъ Кудрявцевъ.
20., Алексѣй Гвоздевъ.
Дмитрій Гвоздевъ.
Николай Петропавловскій.
Владиміръ Мироносицкій.
Василій Юницкій.
25, Александръ Алмазовъ.
Степанъ Артоболевскій.
Александръ Богоявленскій
Василій Петровъ.
Висилій Флоринскій.
30., Алексѣй Элпидовъ.
Иванъ Морозовъ.
Петръ Савскій.

Разрядъ третій.

Евлампій Толузаковъ.
Иванъ Димитревскій.
35., Иванъ Гіацинтовъ.
Николай Люстровъ.
Гервасій Разсказовъ.
Виссаріонъ Пазельскій.

(*) Присланъ при отношеніи Правленія училища отъ 28 Іюня 1874 г. за № 459.

Димитрій Тибровъ.
40., Димитрій Прудентовъ.
Николай Быстровъ.
Степанъ Быстровъ.

Б., Небывшіе на экзаменѣ по болѣзни, но имѣющіе право получить свидѣтельство объ окончаніи училищнаго курса по выдержаніи экзамена:

Алексѣй Сократовъ.
Николай Троянскій.
45., Владиміръ Архаровъ.

В., Оставляется согласно прошенію:

Иванъ Мемноновъ.

Классъ III-й.

А., Переводятся въ IV-й классъ слѣдующіе ученики:

Разрядъ первый.

1., Евлампій Индустріевъ.
Николай Архангельскій.
Николай Колліоповъ.
Степанъ Масловскій.
5., Петръ Нероновъ.
Сергѣй Миловскій.
Дмитрій Благоразумовъ.
Александръ Автократовъ.
Степанъ Юнгеровъ.
10., Өедоръ Богоявленскій.
Аполлонъ Виноградовъ.
Яковъ Успенскій.
Илья Кудрявцевъ.

Разрядъ вторый.

Петръ Адвокатовъ.
15 , Владиміръ Пантелѣевскій.
Петръ Боголюбовъ.
Өедоръ Карскій.
Николай Родниковскій.
Иванъ Прозоровъ.
20., Александръ Разумовскій.
Павелъ Архаровъ.
Иванъ Крыловъ.
Евфимъ Тихомировъ.
Иванъ Побѣдимскій.
25., Василій Тифлисовъ.
Владиміръ Никольскій.
Серафимъ Любимовъ.
Михаилъ Бѣлозерскій.
Димитрій Нечаевъ.
30., Димитрій Яхонтовъ.
Яковъ Фриновскій.
Павелъ Аристидовъ.

Иванъ Орнатскій.
Константинъ Артоболевскій.
35., Димитрій Тихомировъ.

Разрядъ третій.

Василій Ципровскій.
Иванъ Дилигенскій.
Александръ Левитскій.
Валеріанъ Святогоровъ.
40., Николай Сергіевскій.
Иванъ Тепловъ.
Иванъ Фортунатовъ.
Алексѣй Снѣжницкій.
Владиміръ Архангельскій.

} Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ.

Б. Увольняются изъ Училища:

45., Александръ Тарховъ.
Александръ Троицкій.

} За малоуспѣшность и великовозрастность.

Александръ Виргиліевъ за малоуспѣшность.

Николай Прелатовъ Исключается изъ списка какъ обучающійся въ Краснослободскомъ училищѣ.

В., Послѣ каникулъ имѣютъ быть подвергнуты переэкзаменовкѣ:

Николай Доброхотовъ: по Греческому и Латинскому яз.
50., Алексѣй Любятинскій: по Греческому и Латинскому яз.
Александръ Кроптовскій по Ариѳметикѣ и Географіи.
Павелъ Смирновъ: по Латинскому языку и Ариѳметикѣ.
53., Алексѣй Цвѣтковъ: по Русско — Славянскому и Греческому яз.

Классъ II-й.

А., Переводятся въ III классъ слѣдующіе ученики:

Разрядъ первый.

1., Владиміръ Покровскій.
Ѳедоръ Керенскій.
Степанъ Ильминскій.
Александръ Антониновъ.
5., Димитрій Симилейскій.

Владиміръ Соколовъ.
Александръ Архангельскій
Иванъ Назаретскій.
Николай Синайскій.
10., Иванъ Рождественскій.
Павелъ Сердобольскій.
Серафимъ Старосивильскій
Николай Архангельскій.
Сергѣй Прянзерскій.
15., Θедоръ Соловьевъ.

Разрядъ вторый.

Василій Ястребовъ.
Михаилъ Тацитовъ.
Василій Фасановъ.
Валентинъ Аполлоновъ.
20., Павелъ Макаровъ.
Василій Добронравовъ.
Алексѣй Завулоновъ.
Степанъ Діатроптовъ.
Сергѣй Фриновскій.
25., Михаилъ Орловъ.
Иванъ Ключаревъ.
Иванъ Трактатовъ.
Иванъ Николаевскій.
Петръ Юницкій.
30., Василій Петровъ.
Димитрій Доримедонтовъ.
Иванъ Никитинъ.
Димитрій Поляковъ.
Сергѣй Листовъ.
35., Сергѣй Фортунатовъ.
Гавріилъ Фабіевъ.
Павелъ Струевъ.
Сергѣй Савскій.
Иванъ Печеринъ.
40., Иванъ Крестогорскій.
Александръ Святогорскій.
Василій Любятинскій.

Разрядъ третій.

Иванъ Зыковъ
Василій Θедоровскій.
45., Владиміръ Благовѣщенскій.
Николай Данилевскій.
Θедоръ Кургановъ.
Димитрій Рождественскій.
Сергѣй Никольскій.
50., Яковъ Цѣликовскій.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ.

Б., Увольняется изъ Училища:

Александръ Гомеровъ: за продолжительную неявку въ училище и великовозрастность.

В., Послѣ каникулъ имѣютъ быть подвергнуты переэкзаменовкѣ:

Иванъ Имеровъ: по Русско-Славянскому и Латинскому яз.

Иванъ Инсарскій. Влад. Рамзайцевъ. } по Греческому и Латинскому языку.

55., Василій Побѣдоносцевъ. Василій Гомеровъ. } по Ариѳметикѣ.

57., Алексѣй Ручимскій: по всѣмъ предметамъ какъ не бывшій на экзаменѣ по болѣзни.

Классъ I-й.

А., Переводятся во II-й классъ слѣдующіе ученики:

Разрядъ первый.

1., Димитрій Протодіаконовъ.
Александръ Урановъ.
Алексѣй Миловскій.
Михаилъ Любимовъ.
5., Александръ Снѣжницкій.
Григорій Миловъ.
Александръ Дилигенскій.
Иванъ Владыкинъ.
Василій Любимовъ.
10., Андрей Покровскій.
Петръ Архангельскій.
Иванъ Добросердовъ.
Иванъ Ремезовъ.
Константинъ Артоболевскій
15., Александръ Перуанскій.
Александръ Ѳедоровскій.

Разрядъ вторый.

Серафимъ Козловскій.
Василій Никитинъ.
Михаилъ Селезневъ.
20., Семенъ Заринъ.
Яковъ Темногрудовъ.
Алексѣй Тарховъ.
Иванъ Невзоровъ.
Павелъ Солоновъ.
25., Михаилъ Ювенскій.
Иванъ Глѣбовъ.
Александръ Карсаевскій.
Сергѣй Росницкій.
Василій Симбуховскій.
30., Иванъ Пикторовъ.
Леонидъ Прозоровъ.
Евлампій Еланскій.
Василій Смирновъ.
Степанъ Благовѣщенскій.

35., Павелъ Побѣдимскій.

Владиміръ Артоболевскій.

Константинъ Добросердовъ.

Разрядъ третій.

Евгеній Соколовъ. Иванъ Боголюбовъ. 40., Владиміръ Фриновскій. Иванъ Флавіевъ. Николай Дьяковъ. Валентинъ Артоболевскій.	Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ.

Б., Увольняются изъ училища

Степанъ Любятинскій, по малоспособности къ продолженію ученія.

45., Михаилъ Кадышевскій, за долговременную неявку въ училище.

В. Послѣ каникулъ имѣютъ быть подвергнуты переэкзаменовкѣ.

Николай Покровскій: по ариѳметикѣ и латинскому яз.

Иванъ Войденовъ: по ариѳметикѣ и русско-славянскому яз.

Приготовительный классъ.

Переводятся въ 1 классъ слѣдующіе ученики.

Разрядъ первый.

1., Алексѣй Керенскій.

Николай Быстровъ.

Николай Артоболевскій.

Петръ Кудрявцевъ.

5., Егоръ Быстровъ.

Василій Виноградовъ.

Александръ Фасановъ.

Яковъ Введенскій.

10., Михаилъ Орловъ.

Николай Перовъ.

Алексѣй Архангельскій.

Николай Перуновъ.

Семенъ Сперанскій.

Разрядъ вторый.

15., Николай Докучаевъ.

Ѳедоръ Тихомировъ.

Василій Смирновъ.

Василій Никольскій.

Алексѣй Артоболевскій.

20., Константинъ Ключевъ.

Ѳедоръ Добровидовъ.

Петръ Алмазовъ.

Алексѣй Фриновскій.

Алексѣй Львовъ.

Разрядъ третій.

Александръ Фриновскій. 26.. Василій Инсарскій.	Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ (*)

Демидовскій юридическій Лицей наравнѣ съ юридическими факультатами имѣетъ цѣлью доставить молодымъ людямъ высшее юридическое образованіе.

По объему преподаванія и по правамъ оканчивающихъ курсъ Лицей совершенно тождественъ съ означенными факультетами, а потому допускается переходъ студентовъ юридическихъ факультетовъ на соотвѣтствующіе курсы Лицея.

На первый курсъ Лицея принимаются молодые люди представившіе аттестат ы объ испытаніи зрѣлости въ гимназіяхъ окончившіе же курсъ въ общихъ классахъ семинарій, обязаны подвергнуться повѣрочному испытанію изъ русскаго и латинскаго языковъ и изъ исторіи.

Прошенія подаются на имя Директора Лицея до 26 Августа; при этомъ прилагаются документы объ ученіи и званіи.

Неосвобожденные по бѣдности отъ платы за слушаніе лекцій вносятъ по 20 рублей въ каждое полугодіе.

Редакторъ: Ректоръ Пенз. Семин., Архимандритъ **Сѵмеонъ**.

Дозволено цензурою. Пенза, 1874 г. Іюля 15 дня.

Цензоръ: Учитель Семинаріи, Свящ. **М. Шестаковъ**.

(*) Прислано для напечатанія. при отношеніи Пенз. духовн. Консисторіи отъ 26 Іюня 1874 г. за № 5474.

ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 15 іюля, 1874 года. 14.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Историко—критическій взглядъ на римско—католическое ученіе о безбрачіи духовенства *).

VI.

Католическіе богословы при защитѣ своего ученія о безбрачіи священно-служителей, обыкновенно нестолько опираются на приведенныхъ нами выше основаніяхъ, сколько на священномъ писаніи. Въ

*) Продолженіе. См. № 12-й.

этомъ случаѣ они приводятъ множество изрѣченій Его. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе всѣхъ этихъ мѣстъ, остановимся только на нѣкоторыхъ, которыя, по ихъ мнѣнію, въ особенности говорятъ за ученіе Римской церкви о безбрачіи духовенства. Въ этомъ случаѣ совѣты о дѣвствѣ, предлагаемые Священ. Писаніемъ, особенно важную играютъ у нихъ роль.

Не вси вмѣщаютъ словесе сего, т. е. о безбрачіи говоритъ Іисусъ Христосъ, *но имъ же дано есть. Могій вмѣстити, да вмѣститъ* (Матѳ. 19, 11—12). *Хощу,* говоритъ Ап. Павелъ, *да вси человѣцы будутъ, якоже и азъ; но кійждо дарованіе свое имать отъ Бога* (1 Кор. 7, 7). Этимъ совѣтомъ и пользуются римскіе богословы для защиты своего ученія о безбрачіи священнослужителей. Если данъ совѣтъ, - говорятъ они, — и данъ самимъ Господомъ;—развѣ онъ не долженъ исполняться? Неужели въ церкви онъ не найдетъ людей, которые послушались бы его, исполнили бы его на самомъ дѣлѣ? Нѣтъ, у него есть послѣдователи. Въ церкви есть люди, стремящіеся къ высшему нравственному совершенству. А кто же какъ не пастыри церкви, по своему призванію, должны въ особенности стремиться къ духовному совершенству? Кто же какъ не священно-служители, своею нравственною чистотою должны служить примѣромъ для своихъ пасомыхъ? Слѣдовательно, совѣтъ Господа о дѣвствѣ ими въ особенности долженъ быть принятъ. Значитъ, заключаютъ римскіе богословы,—священнослужители прежде всего должны быть дѣвственниками *).

---

*) Такъ думаютъ Перроне, Бауэръ и др.

Это примѣненіе къ священно-служителямъ словъ Господа-несправедливо. Выводъ-не послѣдователенъ. Іисусъ Христосъ предложилъ этотъ совѣтъ не однимъ своимъ ученикамъ—наединѣ, а публично всему народу. Онъ вызванъ былъ Его учениками. Когда Іисусъ Христосъ выяснилъ фарисеямъ всю важность и нерасторжимость брака;—ученики Его, испугавшись трудности исполненія брачныхъ обязанностей, замѣтили: „если такова обязанность мужа къ женѣ; *лучше есть не женитися* (Матѳ. 19—10). Понятно,—и они въ этомъ случаѣ имѣли въ виду не себя, а вообще всякаго человѣка. Вотъ, чтобы и ихъ и всѣхъ вообще предостеречь отъ неумѣренной ревности къ дѣвству, Іисусъ Христосъ и сказалъ: *„не вси вмѣщаютъ словесе сего“*. А кто же? *„имъ же дано естъ“*. А дано это призваннымъ и имѣющимъ къ тому расположеніе *). „Дано тѣмъ, которые желаютъ. А говоритъ онъ такимъ образомъ для того, чтобы показать, сколь великую нужду въ Божественной помощи имѣетъ тотъ, кто вступаетъ на этотъ подвигъ, помощи, которую, безъ сомнѣнія, получитъ желающій. Кто желаетъ, кто молится, и, не надѣясь на свои силы, Божію водительству ввѣряется, въ комъ и внутренними расположеніями и внѣшними обстоятельствами утверждается призваніе къ подвигу; тому и будетъ дано вспоможеніе свыше, тотъ и есть, о кототомъ Спаситель сказалъ: *могій вмѣстити, да вмѣститъ*. **). Въ такомъ же точно значеніи и Апостолъ Павелъ даетъ совѣтъ о дѣвствѣ ***).

---

*) Слов. Григор. Богослов., часть III, стр. 225.

**) Златоустъ, Бес. на Мат. ч. III, стр. 67.

***) Его же, Бес. на 1-е посл. къ Корин. 19, ч. 1, стр. 328.

Вотъ объясненіе мѣстъ Священ. Писанія, приводимыхъ римскими учеными въ пользу своего ученія о безбрачіи священно-служителей. Объясненіе, какъ читатель видитъ, далеко на самомъ дѣлѣ не соотвѣтствуетъ ихъ взгляду. Іисусъ Христосъ и Апостолъ предложили совѣтъ о дѣвствѣ, но предложили съ поясненіемъ. Они предложили его всѣмъ своимъ послѣдователямъ, а не ближайшимъ только своимъ преемникамъ. Они предложили только совѣтъ. Но совѣтъ—не правило. Кто хочетъ ему слѣдовать,—слѣдуй; свободную волю имѣетъ всякій. Но римская церковь стѣсняетъ ее, требуя отъ священно-служителей своихъ поголовнаго безбрачія. Она возводитъ совѣтъ въ правило для нихъ. Правда, въ нихъ по преимуществу хотѣлось бы видѣть дѣвственниковъ. Но и священно-служители такіе же, вѣдь, люди, какъ и міряне. И они—плотяны. Дѣвство—удѣлъ избранниковъ. Оно дается отъ Бога. Но кто поручится, чѣмъ докажутъ римскіе ученые богословы, что ихъ кандидаты на священно-служительскія степени обладаютъ этимъ дарованіемъ Божіимъ? Опытъ нерѣдко говоритъ совершенно противное. Жизнь католическихъ клириковъ-дѣвственниковъ далеко насамомъ дѣлѣ бываетъ подъ часъ не дѣвственна. А этого, вѣрно, не было бы, если бы защитники безбрачія клира послушались того же Апостола, который нарочито сказалъ: *сіе же глаголю, да не сило вамъ положу* (ст. 35).

Не лишайте себе другъ друга, говоритъ Ап. Павелъ, обращаясь къ мужу и женѣ, *точію по согласію до времени, да пребываете въ постѣ и молитвѣ: и паки вкупѣ собирайтеся, да не искушаетъ васъ сатана невоздержаніемъ вашимъ* (1 Корин. 7, 5). Апостолъ предписы-

ваетъ этими словами брачнымъ,—говорятъ тѣже римскіе ученые богословы, чтобы они на время молитвы удалялись другъ отъ друга. Но для священно-служителей время молитвы—постоянно. Нѣтъ дня, когда бы они небыли обязаны совершать литургію, когда бы они не были готовы къ совершенію таинствъ. Слѣдовательно, заключаютъ они, священно-служители навсегда должны оставить своихъ женъ. Значитъ, они должны быть девственниками.

Этотъ выводъ изъ словъ Апостола сдѣланъ насильственно, не совсѣмъ послѣдовательно. Не говоря нисколько во всей содьмой главѣ 1 посланія къ коринѳянамъ о томъ, кому должно вступать въ бракъ и кому нѣтъ,—Апостолъ ведетъ бесѣду уже съ людьми брачными, Онъ совѣтуетъ имъ, чтобы они не разлучались на всегда, но только по согласію, до времени—на время поста и молитвы. Молитва же здѣсь разумѣется „та, которая совершается съ особеннымъ тщаніемъ“ *). И брачная жизнь нисколько этому не мѣшаетъ. Такая молитва, при исполненіи этого Апостольскаго наставленія, совмѣстна съ бракомъ священно-служителей, Правда, у послѣднихъ больше случаевъ къ подобнымъ молитвамъ. чѣмъ у мірянъ. Но что изъ этого выходитъ? Одно то, что у священно-служителейи болѣе должно быть случаевъ къ временному оставленію своихъ женъ. А между тѣмъ въ римско-католической церкви они разлучаются съ своими женами не по взаимному согласію, а по неволѣ. Тамъ они становятся дѣвственниками не на время, но на всегда.

---

*) Златоуст., на 1-е посл. къ Корин. Бес. 19, ч. 1, стр. 331.

Можно бы и еще привести нѣсколько мѣстъ Священнаго Писанія, которыя римско-католическіе учители объясняютъ въ защиту своего ученія о безбрачіи священно-служителей. Но и изъ сказанаго уже достаточно видно, какъ они объясняютъ эти мѣста и какъ можно ихъ опровергнуть. На что кажется ясны и опредѣленны слова Апостола Павла: *сего ради оставихъ тя въ Критѣ, да..... поставиши по всѣмъ градомъ пресвитеры. Аще кто есть непороченъ, единыя жены мужъ, чада имый вѣрна, не въ укореніи блуда, или непокорива* (Тит. 1, 5-6);—они и эти слова стараются объяснить въ свою пользу, утвердить на нихъ свое ученіе, доказывая будто Апостолъ *единыя жены мужемъ* называетъ здѣсь однобрачнаго вдовца. Они не хотятъ видѣть, что здѣсь Апостолъ говоритъ не въ прошедшемъ времени, а въ настоящемъ. Если бы Апостолъ здѣсь говорилъ о вдовцѣ;—на чтобы ему тогда говорить: „*аще кто есть непороченъ*“? За чѣмъ бы ему тогда говорить о поведеніи его дѣтей? Они не хотятъ понять, что здѣсь говорится о продолжающемся еще семейномъ положеніи. А между тѣмъ все это ясно,—яснѣе даже словъ Апостола Петра: *се мы оставихомъ вся, и вслѣдъ Тебе идохомъ* (Мат. 19—27), на которыя они также ссылаются, какъ на основаніе своего ученія.

Не говоря уже о томъ, что при объясненіи этихъ словъ Апостола Петра, они берутъ ихъ отдѣльно—безъ всякой связи съ предъидущимъ, нисколько не обращая вниманія на причину, ихъ вызвавшую, не говоря уже о всемъ этомъ,—должно замѣтить, что они здѣсь совершенно выпускаютъ изъ виду жизнь

и самаго Апостола Петра. Онъ былъ женатъ. И если оставлялъ жену свою и свое семейство для последованія за Іисусомъ Христомъ; то оставлялъ его только на это время. После же онъ снова возвращался въ свое семейство. Климентъ Александрійскій сообщаетъ о немъ одно преданіе, которое ясно говоритъ, что Ап. Петръ любилъ свою жену до самой ея смерти. „Говорятъ, блаженный Петръ, видя, что его жену ведутъ на смерть, весьма обрадованъ былъ ея призваніемъ. Тогда назвалъ ее по имени, голосомъ сильнаго убежденія воскликнулъ: „жена, помни Господа!“ *). Да не только Апостолы, но и все вообще священно-служители первыхъ вековъ христіанства если оставляли своихъ женъ, не имели съ ними общенія,—такъ это они делали единственно по своему желанію, по своему взаимному согласію. Сократъ говоритъ, что „тогда на Востоке все, даже и епископы, воздерживались отъ общенія съ своими женами по собственному произволенію, если, то есть, сами того хотели, не бывъ принуждаемы къ тому непреложнымъ закономъ; ибо многіе изъ нихъ во время епископства отъ законныхъ женъ имели детей“ **)

Д. Глаголевъ.

(Окончаніе будетъ).

---

*) Церков. ист., Евсев., кн. III, гл. 30.

**) Церков. Ист. кн. V, гл. 22.

О Блиновской богомолкѣ, извѣстной въ народѣ подъ именемъ Полиньки. *)

(По поводу извѣстія Свящ. Лебедева о „сборщикѣ на Полиньку“)

Послѣ того, какъ мы познакомились съ личностію Блиновской богомолки, прошло больше года, въ продолженіи котораго мы ничего немогли слышать о ней. Когда же по прошествіи означеннаго времени мы снова получили возможность ближе взглянуть на нее и болѣе выяснить отношенія ея къ народу: то. къ удивленію, нашли гораздо больше, чѣмъ сколько предполагали прежде. Правда, что касается внѣшности Блиновской богомолки и ея пріемовъ, мы не нашли никакихъ измѣненій,—она была все такая же, какъ прежде, немытая, грязная, изможденная, съ босыми корявыми ногами, и въ своемъ несмѣняемомъ жесткомъ кафтанѣ, замѣнявшемъ для нея всякое другое платье и бѣлье, какъ нижнее, такъ и верхнее, —все такъ же этотъ кафтанъ былъ опаясанъ толстою веревкой и закрывалъ все тѣже вериги,—все таже была и компаньонка ея: но за то слава и величіе богомолки въ глазахъ простаго народа возрасло до крайней степени. Теперь она пріобрѣла у него авторитетъ святой угодницы и ходатайницы предъ Богомъ за другихъ,—пророчицы, провидящей отдаленные предметы и объясняющей людямъ волю Божію,—народной наставницы и учительницы,—и даже авторитетъ чудотворно—врачующей болѣзни тѣлес-

---

*) Продолженіе. См. № 13.

ныя,—теперь она и жила уже, вмѣсто прежней убогой хижины въ довольно просторной избѣ, стѣны которой и весь передній уголъ были заняты множествомъ довольно цѣнныхъ иконъ и картинъ съ десяткомъ висѣвшихъ предъ ними лампадокъ. Поэтому, огромныя толпы простаго народа, большею частью крестьянскія бабы и дѣвицы всякаго возраста, особенно въ началѣ весны и послѣ уборки хлѣба, продолжали стремиться къ своей подвижницѣ —кто за душеспасительнымъ совѣтомъ, кто съ просьбою помолиться объ умершихъ „сродникахъ", или объ умиротвореніи семейныхъ несогласій, кто съ тѣлесными недостатками, а всѣ вообще на поклоненіе къ ней,—посмотрѣть, какъ она „матушка" молится и самимъ хоть немного помолиться „возлѣ Божьей—то благодати", потомъ „испить" и взять домой „святой родниковой водицы." Само собою разумѣется, что каждый при этомъ несъ отъ себя подвижницѣ посильное приношеніе: деньги, куски холста, полотенца, зерновой хлѣбъ, калачи, деревянное масло, свѣчи, лампадки, иконы и проч. и проч.,—каждый несъ въ размѣрѣ своего усердія и состоянія. Случалось нерѣдко, приводили даже коровъ, овецъ и самую избу построили ей ея усердные поклонники..... Такимъ образомъ, подъ теплымъ крыломъ народнаго усердія и благоговѣйнаго уваженія Блиновская богомолка спокойна продолжаетъ жить доселѣ и удивлять народъ примѣромъ своей жизни и служитъ живою народною школою духовно-нравственнаго просвѣщенія. Теперь она, кромѣ словесныхъ душеспасительныхъ бесѣдъ простому народу составила нѣ-

сколько оригинальныхъ духовныхъ стиховъ, пріискала къ каждому изъ нихъ извѣстный мотивъ и вмѣстѣ съ другими церковными пѣснями поетъ ихъ въ соучастіи собирающихся къ ней для этого старухъ и дѣвицъ всякаго возраста, начиная съ десятилѣтняго. Эти пѣвицы преимущественно собираются къ ней наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней и на самые праздники и тогда пѣніе означенныхъ стиховъ и пѣсней продолжается далеко за полночь, —иногда непрерывно до удара колокола, когда всѣ пѣвицы и другіе богомольцы отправлялись въ Церковь слушать утреню, а въ ночь за праздникомъ до самаго разсвѣта дня,—пѣніе по заунывно—грустному тону и содержанію въ высшей степени умиляющее простыя сердца,—до слезъ и сердечныхъ воздыханій. Богомольцы, приходящіе къ отшельницѣ, поучаясь этимъ пѣніемъ такъ же, какъ и ея живою проповѣдью, немогутъ достаточно выразить свое удивленіе, „*какъ это Господь въ нее неграмотную вложилъ такія мудрыя рѣчи*“ и научилъ такому *ангельскому* пѣнію. „Ужъ подлинно самъ Господь ее наставляетъ, а то развѣ самъ, такъ сложишь, говорятъ одни!!..... „Ужъ такъ—то хорошо у ней, говорятъ другіе!! ужъ такъ —то хорошо..... и сказать неможно, какъ хорошо.... образа это—какъ жаръ горятъ..... такъ и сіяютъ, любо смотрѣть..... а ужъ какъ пѣть—то начнутъ, или причитать это она станетъ,—Господи ты милостивый— и непересказать!! Зародится же вѣдь такая святая душа!“..... Когда же я спросилъ Блиновскихъ крестьянъ умилявшихся пѣніемъ Полиньки, о чемъ у ней поютъ, то мнѣ отвѣчали: „да все, родимый, про божествен-

ное поютъ..... и какое пенье—то!!... какъ есть будто ангели на небесахъ..... такъ бы все стоялъ и слушалъ.... вотъ это—то, какъ-то, двое мужиковъ изъ Безсоновки *) пріѣзжали, тоже пѣли съ ними.... такъ мужики-то у нихъ еще въ заводѣ **), такъ и драли“!!!..

—А насловахъ-то, продолжалъ я спрашивать крестьянъ, хорошо говоритъ?—„!!,—неговори, кормилецъ.... и попъ—то эдакъ не скажетъ.... вонъ у насъ нынѣ (день былъ праздничный 30 Августа 1864 г.) въ обѣдню попъ—то говорилъ, говорилъ, да такъ что—то ничего и не сказалъ:“—„Да онъ смотри не докончилъ, объясняли при этомъ нѣкоторые. Вѣдъ онъ сначала-то, было, велъ что—то, да потомъ вдругъ какъ—то и оборвалъ..... и не свелъ до конца—то.... такъ и невышло ничего“....—„Отъ чего же это онъ не свелъ“ полюбопытствовалъ спросить я?—„Да Богъ его знаетъ“, былъ уклончивый отвѣтъ.—А въ одномъ селѣ, сосѣднемъ съ Блиновкою, крестьяне, отзывались съ большою похвалою о проповѣдяхъ своего священника, прибавляли: „ну а до Полиньки все—таки далеко ему..... его не поймешь... а эта насильно вкладываетъ:“.....

Украшая богомолку ореоломъ святости, преклоняясь предъ нею, какъ великою угодницею, которую научаетъ самъ Богъ, и по молитвамъ которой скорѣе возносятся на небо прошенія людей, простой народъ интересуется самомалѣйшими подробностями во внѣш-

*) Это село отстоитъ отъ Блиновки приблизительно верстъ на 80.

**) Т. е. задавали тонъ пѣвицамъ, ранѣе другихъ заводили своимъ голосомъ и весь хоръ вели за собою....

ней обстановкѣ и пріемахъ ея, интересуются каждымъ шагомъ ея, каждымъ движеніемъ, каждымъ словомъ и взглядомъ, съ наслажденіемъ слушаетъ разсказы о ея жизни и подвигахъ, о цѣлительной силѣ ея „водицы“ и чудесной помощи въ разныхъ несчастныхъ случаяхъ жизни и обращается къ ней съ самыми разнообразными нуждами и просьбами.....

Одинъ разъ мнѣ случилось быть въ Блиновкѣ на канунѣ праздника „Воздвиженія Креста Господня:“ Простой народъ изъ разныхъ селъ и деревень сосѣднихъ и дальнихъ спѣшилъ къ Полинкѣ, и мѣстность гдѣ она живетъ, представляла вечеромъ слѣдующую картину: келья Полиньки была биткомъ набита народомъ,—другіе богомольцы большою толпою стояли при входѣ на открытомъ воздухѣ, а прочіе группами размѣстились по дну и покатостямъ оврага... вездѣ говорили о богомолкѣ и по временамъ, когда изъ кельи доносились звуки заунывнаго пѣнія, вздыхали и крестились. Всякій, кто захотѣлъ бы прислушаться здѣсь къ народному говору, въ одномъ мѣстѣ услышалъ бы какъ богомольцы удивлялись мѣсту поселенія Полиньки, какъ она не боится, что звѣрь набѣжитъ или вьюга зимой занесетъ; въ другомъ мѣстѣ говорили о томъ, какъ въ одну ночь построена изба ея, какъ „мужики рубили ее, а Полинька все молилась“, какъ потомъ по утру всѣ удивлялись, когда увидѣли, что изба будто „изъ земли выросла, стояла новехонькая:“ Въ третьемъ мѣстѣ можно было услышать разсказъ туземной старухи другимъ богомольцамъ о томъ, какъ она постоянно излѣчиваетъ свои больныя глаза одною свя-

тою водою, взятою отъ Полиньки,—какъ она тою же водою „умываетъ больныхъ ребятишекъ“, отъ чего послѣдніе такъ же выздаравливаютъ, хотя не у всѣхъ а „смотря по человѣку“, какъ родникъ этой воды вышелъ подъ самыми образами въ прежней кельѣ богомолки и потомъ вмѣстѣ съ нею перешелъ въ новую келью, а тамъ пропалъ совсѣмъ,—какъ этотъ родникъ остается всегда полонъ, несмотря на то, что воду изъ него разносятъ во всѣ стороны,—какъ Полинька ходитъ „*все нагишкой*“ въ одномъ короткомъ и старомъ кафтанѣ и какъ „на поясницѣ и подъ брюхомъ у ней все желѣзо виситъ“, которое она никогда не скидаетъ съ себя,—какъ далѣе Полинька никогда не мылась въ банѣ и какъ терзалъ ее управляющій,—какъ потомъ Полинька жила въ лѣсу безъ келіи и безъ всякаго другаго крова,—какъ она молится и денъ и ночь, „никогда отдыха не знаетъ“ и какъ, наконецъ, ей и устать—то нельзя при такой богоугодной жизни; потому что къ ней уже сама благодать ходитъ,— „какъ только, говорила старуха, подойдетъ полночъ, такъ и прилетятъ къ ней какихъ то двѣ хорошенькихъ птички, прилетятъ и сядутъ эдакъ къ ней на плечики, а носами-то въ уши..... посидятъ эдакъ съ часъ и опять пропадутъ“..... А вотъ изъ келіи Полиньки протѣснились наружу двѣ женщины, какъ видно, въ первый разъ посѣщавшія Полиньку,—они немогутъ достаточно выразить того подавляющаго впечатлѣнія, какое произвела на нихъ богомолка—имъ даже показалось, что когда Полинька смотрѣла на образъ Божьей Матери и улыбалась, то также улыбалась ей и сама „Божья Матерь“ и „таково ласково“.....

Точно такъ же не мало интереснаго дали мнѣ и другія посѣщенія мои Блиновской богомолки, сдѣланныя мною въ концѣ 1864 и началѣ 1865 годовъ, для большаго уясненія того вліянія, которое она имѣетъ на народъ. Такъ, разъ я засталъ у Полиньки двухъ крестьянскихъ бабъ изъ дальняго села (30 верстъ отъ Блиновки), которымъ богомолка говорила: „а вы молитесь больше“! Видно было, что сказанныя слова служили для посѣтительницъ уже послѣднимъ напутствіемъ, потому что они на это поспѣшили только сказать: „ну, Полинька, благослови же насъ водицей.“ Богомолка, тотчасъ взявъ со скамейки полуштовъ приготовленной воды, подала его одной бабѣ, которая, принимая воду, съ благоговѣніемъ поцѣловала руку подвижницы и сунула полуштовъ запазуху. Для другой же былъ налитъ цѣлый деревянный жбанъ,—и баба попросила Полиньку, чтобы она сама вынесла и поставила его на ея телѣгу въ той увѣренности, что въ такомъ случаѣ „благодать святой водицы“ не останется у Полиньки, а вся будетъ въ деревянномъ жбанѣ, и значитъ принесетъ уже несомнѣнную пользу.....

Едва Полинька успѣла проводить означенныхъ посѣтительницъ, какъ въ келью вошла молодая Блиновская баба, которая, подавши Полинькѣ небольшой кусокъ холста, пала къ ногамъ богомолкѣ и съ горькими слезами стала просить помолиться за умирающаго ея сына. Богомолка съ участіемъ спросила, что съ нимъ случилось,—„захворалъ“ что ли, или еще что произошло,—„Богъ его знаетъ, отвѣчала мать всхлипывая..... весь горитъ какъ въ огнѣ“....—„Спаси Господи, сказала Богомолка! Дай-ка посудку, я во-

дицы палью..... ты приди, да умой его, испить ему дай, авось Господь и того..... Спаси Господи!" Богомолка стала наливать воды, а несчастная мать бросилась класть большіе поклоны предъ иконами; когда же вода была готова, она снова пала къ ногамъ богомолки съ самою убѣдительною просьбою помолиться о выздоровленіи ея сына. Богомолка обѣщала помолиться и тотъ часъ вмѣстѣ съ нею сдѣлала предъ иконами десять большихъ поклоновъ и пошла провожать ее, Бѣдная мать и въ сѣняхъ и за сѣнями все падала къ ногамъ богомолки и все молила ее выпросить у Бога выздоровленіе ея единственному „дѣтищу"..... Между тѣмъ, компаньонка подвижницы, черная и старая дѣва, обратилась ко мнѣ съ словами: „не знаю, поможетъ что-ль? А вѣдь много помогаетъ! Коли захочетъ, такъ поможетъ"!!.....

Затѣмъ, чрезъ нѣсколько времени пришла Блиновская же баба за совѣтомъ, какъ ей получше помянуть умершаго родителя своего,—такъ, чтобы ему „вышло отъ того по больше пользы"....—Надобно тайныхъ сорокъ милостынь раздать, сказала богомолка!- „Какихъ же матушка", спросила посѣтительница?!—Какихъ, отвѣчала Полинька!! Надо сорокъ яицъ, да сорокъ лепешекъ, а ежели лепешекъ нѣтъ, такъ сорокъ калачей, али хоть блиновъ, да сорокъ свѣчей, да сорокъ горошинъ ладану, да на сорокъ лампадокъ масла, да сорокъ симишниковъ, или хоть трешниковъ..... и всѣ эти милостыни надобно выходить по зарямъ..... ежели теперь всѣ сорокъ зарей отходить, да всѣ тѣ милостыни раздать, чтобъ никто объ нихъ незналъ: то покойнику больно хорошо будетъ,—

а ежели меньше, къ примѣру, на половину: то и ему будетъ хорошо только въ половину“.....—Нѣтъ, ужъ матушка Полинька, отвѣчала посѣтительница, зачѣмъ на половину?!... развѣ для родителя я чего пожалѣю!... Нѣтъ, я ужъ лучше всего припасу.... только ты, родная, пожалуйста ужъ не оставь меня, походи сама за милостынями-то, я тебя не забуду, а теперь вотъ Полинька, возьми пока эту холстинушку“.... И съ этими словами баба подала богомолкѣ свертокъ крестьянскаго холста аршинъ въ десять.... Богомолка, взявъ холстъ и положивъ его на столикъ, стоявшій подъ образами въ углу, сказала: „да мнѣ что! отъ чего не походить?! только бы было у тебя усердіе.... а мое ужъ дѣло такое...., я на то пошла.... и мнѣ ничего твоего не надо..... не наряжаться мнѣ!! ни пиры заводить.... я и такъ грѣшница..... то и дѣло, что объѣдаюсь, опиваюсь, на каждомъ шагу грѣшу“....

А разъ, въ числѣ другихъ посѣтительницъ, я засталъ у Полиньки старую помѣщицу, которая, какъ я узналъ впослѣдствіи, не рѣдко бываетъ у богомолки, не смотря на довольно-значительное разстояніе ея мѣста жительства отъ села Блиновки (около 50 верстъ).....

Пользуясь такимъ великимъ уваженіемъ къ себѣ народа, Блиновская богомолка вздумала было даже ходить по окрестнымъ селамъ съ своею иконою, выдавая ее за чудотворную; но, къ счастію, скоро заставили ее отказаться отъ столь выгодной для нея эксплуатаціи простаго народа.....

Вотъ черты, характеризующія отношенія простаго народа къ Блиновской подвижницѣ и бросающія

свѣтъ на его духовно-нравственное міросозерцаніе, на его духовныя потребности и интересы!!... Съ 1865 года, когда нами собраны были всѣ вышеобъясненныя подробности, уясняющія степень вліянія Блиновской богомолки на народъ, прошло времени не мало,—въ продолженіи этого времени немало случилось такихъ обстоятельствъ, которыя должны были уронить авторитетъ богомолки въ глазахъ народа,—такъ, въ продолженіи этого времени, какъ разсказываетъ и самъ народъ, не разъ случалось, находили на чердакѣ ея избы, то краденыя овчины, то краденый медъ и другія краденыя вещи,—кромѣ того, за это время и у самой богомолки, этой безкорыстной труженицы, какою она особенно любитъ выставлять себя, выкрадено до 800 р. сер..... не смотря на это, вліяніе ея на народъ нимало не ослабѣло до сихъ поръ. Это, какъ не надо лучше, доказываетъ „Извѣстіе" О. Лебедева, помѣщенное въ № 6 Пензенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей,—это доказываетъ и другое сообщеніе, которое было передано намъ лично въ прошедшемъ Апрѣлѣ однимъ изъ священниковъ, сосѣднихъ съ Блиновкою, о томъ, что и въ его приходѣ время отъ времени такъ же появляется какой-то крестьянинъ изъ села Блиновки, обходитъ всѣ улицы съ приглашеніемъ нести къ Полинькѣ милостыню, и—многіе, особенно женщины, отправляются къ богомомкѣ и несутъ ей свои убогія пожертвованія не смотря на то, что мѣстный священникъ неоднократно убѣждалъ ихъ не дѣлать этаго.—На всѣ указанныя выше обстоятельства, бросающія сильную тѣнь на Блиновскую богомолку, народъ

смотритъ, какъ на частныя, случайныя обстоятельства изъ ея жизни, о которыхъ по этому, скоро забываетъ, особенно въ виду того, что богомолка проповѣдуетъ о своей нестяжательности, повидимому, столь очевидной для всякаго, кто только видѣлъ ея изможденное тѣло, едва прикрытое суровымъ рубищемъ, и о томъ, какъ въ такомъ случаѣ дьяволъ пускаетъ въ ходъ всѣ свои козни, лишь бы только возстановить другихъ противъ нестяжательнаго человѣка.....

П. Озерецкій.

(Продолженіе будетъ).

Свѣдѣнія о Воскресной школѣ, состоящей при Пензенской Духовной Семинаріи, за 18$\frac{73}{74}$ учебный годъ.

Въ жизни каждаго отдѣльнаго народа замѣчается тотъ фактъ, что въ данную какую либо эпоху, въ данный періодъ времени преобладаютъ какіе либо одни интересы, которые берутъ перевѣсъ надъ всѣми другими, сосредоточиваютъ на себѣ особенное и исключительное вниманіе общественныхъ дѣятелей и цѣлаго общества. Эти преобладающіе интересы становятся цѣлію, а всѣ другіе обращаются лишь въ средства для достиженія этой цѣли. И можно замѣтить, что чѣмъ цивилизованнѣе народъ, тѣмъ высшіе интересы занимаютъ его и тѣмъ лучшія средства выбираетъ онъ для удовлетворенія занимающихъ его интересовъ. Всматриваясь въ теченіе и ходъ современной русской жизни нельзя не замѣтить, что въ русскомъ народѣ все болѣе, все яснѣе выступаетъ на первый планъ *образованіе*, какъ высшая цѣль. Мѣтко указано и прекрасно выражено это въ Высочайшемъ Манифестѣ по поводу всесословной воинской повинности и рескриптѣ, данномъ на имя Г. Министра Народнаго Просвѣщенія. Первый, давая нѣкоторыя льготы молодымъ людямъ, получившимъ образованіе, *) тѣмъ самымъ видимо желаетъ поднять

*) „Для молодыхъ людей, обучавшихся въ училищахъ, не исключая начальныхъ, продолжительность обязательнаго пре-

уровень народнаго образованія, поставить его на ту степень и высоту, которую оно должно занимать въ каждомъ цивилизованномъ государствѣ, и понимаетъ образованіе, какъ основаніе и залогъ будущаго народнаго благоденствія. „Даруемыя нынѣ важныя преимущества молодымъ людямъ, получившимъ образованіе, да будутъ новымъ орудіемъ въ народѣ *нашемъ* истиннаго просвѣщенія, въ которомъ мы видимъ основаніе и залогъ его будущаго благоденствія". Если вѣрно, что законы государственные не выдумываются въ кабинетѣ, а если выдумываются, то остаются не приложимыми, не приносятъ истинно-добрыхъ плодовъ, но создаются самою общественною жизнію, то указанную выше Монаршую волю русскій народъ долженъ принять и принимаетъ съ тѣмъ болѣе искреннимъ вѣрно-подданическимъ чувствомъ. Не ограничиваясь однимъ желаніемъ распространенія истиннаго образованія въ народѣ, Правительство обезпечиваетъ и успѣхъ его указаніемъ средствъ для этого.—Замѣчательны въ этомъ отношеніи первыя слова рескрипта г. Министру Народнаго Просвѣщенія. „Въ постоянныхъ заботахъ Моихъ о благѣ Моего народа, Я обращаю особенное Мое вниманіе на дѣло народнаго просвѣщенія, видя въ немъ движущую силу всякаго успѣха и утвержденіе тѣхъ нравственныхъ основъ, на которыхъ зиждутся государства. Дабы способствовать самостоятельному и плодотворному развитію народ-

---

быванія въ войскахъ въ мирное время значительно сокращается, соотвѣтственно степени и роду полученнаго ими образованія, и сверхъ того предоставляются имъ другія военныя облегченія?" Слова Манифеста.—

наго образованія въ Россіи, Я утвердилъ въ 1871 и 1872 годахъ составленные, согласно съ такими же моими видами, уставы среднихъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго вамъ вѣдомства, долженствующихъ давать вполнѣ основательное общее образованіе юношеству, готовящемуся къ занятіямъ высшими науками; а не предназначающимъ себя къ онымъ приспособлять къ полезной практической дѣятельности. Заботясь равно о томъ, чтобы свѣтъ благаго просвѣщенія распространялся во всѣхъ слояхъ населенія, Я повелѣлъ учредить учительскіе институты и семинаріи для приготовленія наставниковъ народныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ"..... Кромѣ всего этаго устанавливается надъ народнымъ образованіемъ особый надзоръ, ввѣряемый самому же обществу, которому близка и дорога народная школа.—

Изъ этого видно, что и Правительство и народъ ясно сознаетъ значеніе и важность образованія. Нельзя не замѣтить также, что и средства, обезпечивающія успѣхъ образованія поняты вѣрно и весьма практично. Каждое дѣло требуетъ спеціальнаго подготовленія и предварительныхъ работъ. И чѣмъ важнѣе по своему существу дѣло, тѣмъ продолжительнѣе и серьезнѣе должна быть подготовлена къ нему. Если подготовляется юристъ, если требуется подготовка для врача, тѣмъ болѣе она требуется для учителя-воспитателя. Если вообще знаніе есть сила; то въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ она-необходимѣйшее условіе, безъ котораго правильное воспитаніе и обученіе не мыслимо. Какъ школа не мыслима безъ учителя, такъ правильное обученіе не мыслимо безъ

хорошо подготовленнаго учителя. Вотъ, почему теперь такъ ясно сознана необходимость учительскихъ семинарій, какъ и специальныхъ заведеній, подготовляющихъ народныхъ учителей, и такъ настойчиво эта мѣра приводится въ исполненіе. *)

Признавая важность и необходимость учительскихъ Семинарій для приготовленія опытныхъ и дѣльныхъ учителей, которые могли бы поднять уровень народнаго образованія и удовлетворить стремленію народа къ образованію, мы должны однако сказать, что русское духовенство ни въ какомъ случаѣ не должно быть устранено отъ этаго важнаго дѣла.— Если духовенство хочетъ надлежащимъ образомъ выполнять ближайшую задачу своего служенія, то должно принять горячее и непосредственное участіе въ образованіи народа. Оно стоитъ къ народу въ

*) Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта учредить съ 1 Іюля 1874 года сверхъ существующихъ еще пять учительскихъ семинарій въ С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и Одесскомъ учебныхъ округахъ. Потребную на содержаніе этихъ семинарій сумму, по шестнадцати тысячъ восьмисотъ десяти рублей на каждую, а всего восемьдесять четыре тысячи пятьсотъ р. утверждено вносить въ смѣту расходовъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія съ 1875 года, а равно и причитающіяся на означенныя семинаріи въ настоящемъ 1874 г. сорокъ двѣ тысячи двадцать пять руб. внесены въ смѣту Министерства сего года.

Съ слѣдующаго учебнаго года и въ нашей губерніи имѣетъ открыться учительская семинарія въ 100 воспитанниковъ, при чемъ земство, въ помощь правительству жертвуетъ единовременно для устройства семинаріи 25,000 р.

столь близкихъ отношеніяхъ и пользуется такими благопріятными условіями для просвѣщенія и возвышенія народнаго духа, что отказываться или отказывать ему во вліяніи на народъ путемъ обученія въ школахъ было бы не просто только ошибкою и несправедливостію, но и грѣхомъ. И исторія русской церкви свидѣтельствуетъ, что духовенство всегда принимало живое участіе въ народномъ образованіи. Стоя по своему образованію выше другихъ слоевъ общества, оно заводило школы, оно обучало въ нихъ, вліяло, на народъ своимъ обученіемъ. Что народъ обучался подъ вліяніемъ духовенства, это уже доказываетъ то, что русскій народъ и до сихъ поръ еще смотритъ на обученіе съ религіозно-нравственной точки зрѣнія, придаетъ ему церковный характеръ.—Условія русской жизни измѣнялись, но духовенство никогда не теряло вліянія на народное образованіе и до послѣднихъ дней принимаетъ и должно принимать въ немъ участіе. Оно пользуется авторитетомъ въ глазахъ простаго народа, какой едвали могутъ имѣть оффиціальные чиновники. Духовенству нужно дорожить сочувствіемъ и расположеніемъ къ нему народа и отвѣчать ему искреннимъ расположеніемъ и усерднымъ трудомъ на пользу народной школы.—Дѣло народнаго образованія должно быть для него дѣломъ кровнымъ и святымъ. Если въ народѣ еще не вездѣ достаточно пробуждено стремленіе къ образованію, то въ этомъ случаѣ отъ духовенства можно и должно ожидать существенной помощи. Законоучительство по самому „Положенію о начальныхъ народныхъ училищахъ“ ввѣрено свя-

щенникамъ и окончившимъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ. Это уже важное дѣло, и духовенство должно относиться къ нему серьёзно и искренно. Если успѣхъ обученія зависитъ сколько отъ знанія преподаваемаго предмета, столько и отъ умѣнья преподавать или знанія новѣйшихъ методовъ обученія, то нѣтъ сомнѣнія, что на духовенствѣ лежитъ долгъ познакомиться, сколько можно съ этими методами и теоретически и практически.—Педагогическая наука начинаетъ разработываться въ Россіи, если не успѣшно, то покрайней мѣрѣ усердно и внимательно. Руководства по обученію тому или другому предмету начальной школы есть; нужно съ ними только познакомиться. Есть и журналы, имѣющіе спеціальною своею задачею разработку педагогическихъ и дидактическихъ вопросовъ. Добывать ихъ не трудно и знакомство съ ними необходимо какъ для веденія дѣла въ школѣ, такъ для воспитанія и обученія собственныхъ своихъ дѣтей. *) Можно думать, что Правительство въ видахъ сближенія духовенства съ народомъ и непосредственнаго вліянія его на народъ путемъ школьнаго обученія ввело въ семинарское образованіе курсъ педагогики и дидактики, присоединивъ его къ спеціально—богословскому курсу. Воспитанники духовныхъ Семинарій познакомятся здѣсь съ разумными педагогическими пріемами и требо-

*) Изъ педагогическихъ журналовъ мы особенно порекомендовали бы „Народную школу“, издаваемую г. Мѣдниковымъ, цѣна за годовое изд. 4 р. 50 к., а также „Семью и школу“ изд. Симашко, годовое изданіе котораго и съ семейнымъ чтеніемъ 12 р.

ваніями и тѣмъ пріобрѣтутъ себѣ новое средство, по мимо богословскаго образованія, къ доброму вліянію на народъ и его духовное развитіе не только внѣ школы, но и въ самой школѣ.—„Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ", Высочайше утвержденное 14 Іюля 1864 г. возлагаетъ на приходскихъ священниковъ не только наблюденіе за религіозно—нравственнымъ направленіемъ во всѣхъ начальныхъ народныхъ и воскресныхъ училищахъ (ст. 17), поручаетъ имъ преподованіе не только закона Божія, и другихъ учебныхъ предметовъ (ст. 15 и 16). Слѣдовательно, будущіе пастыри церкви еще заранѣе должны быть знакомы съ лучшими пріемами обученія и лучшими руководствами по каждому предмету начальной школы. Это знакомство они получаютъ на теоретическихъ урокахъ по педагогикѣ и дидактикѣ. Но не ограничиваясь одною теоретическою стороною, которая не исчерпываетъ еще учебно—воспитательнаго дѣла, Правительство выразило желаніе и требуетъ, чтобы при Семинаріяхъ были устроены Воскресныя школы, въ которыхъ бы воспитанники Семинарій практиковались въ обученіи и показали приложеніе къ дѣлу тѣхъ теоретическихъ правилъ и педагогическихъ и дидактическихъ пріемовъ, которые они узнали на класныхъ урокахъ.

Само собою понятно, что такая школа не можетъ быть образцовою. Какъ бы ни была она хорошо поставлена, она никогда не можетъ быть такъ правильно организована, какъ школа съ ежедневными уроками, съ опредѣленнымъ и постояннымъ росписаніемъ уроковъ, постояннымъ заранѣе

извѣстнымъ количествомъ учениковъ, постояннымъ и аккуратнымъ посѣщеніемъ учениками классныхъ уроковъ. Въ такой школѣ, какъ воскресная, гдѣ уроки бываютъ чрезъ 6-ть дней, гдѣ ученики въ одинъ воскресный день придутъ, въ другой нѣтъ, одинъ разъ занимаются чтеніемъ, другой—письмомъ, въ третій—ариѳметикой,—въ такой школѣ нельзя слѣдить за послѣдовательностію занятій и успѣхами учениковъ, нельзя точно опредѣлить результаты занятій, что собственно принадлежитъ вліянію учителей воскресной школы и что постороннему вліянію, тѣмъ болѣе, что большая часть учениковъ, посѣщающихъ воскресную школу, посѣщаютъ городскія школы, или учатся на дому. Но не въ томъ главная задача воскресной школы. Здѣсь имѣются въ виду не столько ученики, сколько учителя, которые занимаются обученіемъ; воскресная школа устрояется собственно для практики подготовляющихся теоретически учителей. Нормальную школу, нормальный ходъ занятій можетъ дать только ежедневная школа; но имѣть такую школу при духовной Семинаріи не возможно уже по одной сложности занятій учителей—воспитанниковъ VI класса, какъ учениковъ Семинаріи. Учительскія семинаріи въ этомъ случаѣ имѣютъ преимущество; потому что при нихъ полагается образцовая школа съ трехъ годичнымъ курсомъ, хотя практики собственно для воспитанниковъ, какъ будущихъ учителей народной школы, тамъ все-таки бываетъ недостаточно, какъ видно изъ объяснительной записки къ программѣ педагогики въ одной изъ учительскихъ семинарій по Казанскому округу.

Предметами занятій въ Воскресной школѣ были тѣ предметы, которые входятъ въ составъ курса начальной школы: обученіе грамотѣ, т. е. чтенію и письму, чтенію сознательному и декламатическому, чистописанію и правописанію, ариѳметикѣ и закону Божію. Въ составъ занятій въ Воскресной школѣ входили также занятія по естествоведенію и отечествоведенію обученіе рисованію и пѣнію церковному.

Методика обученія грамотѣ вообще разработана у насъ болѣе, чѣмъ методика всякаго другаго предмета начальной школы. Разработкой этаго предмета занимались такіе почтенные педагоги, какъ Ушинскій, Паульсонъ, Корфъ, Столпянскій, Шаряевскій, Тихоміровъ и друг. На теоретическихъ урокахъ воспитанникамъ-учителямъ были выяснены особенности пріемовъ нѣкоторыхъ изъ педагоговъ, держащихся звуковаго метода, и рѣшительное преимущество было отдано методу легографическому, или методу письма-чтенія. По этому способу и велось обученіе грамотѣ въ Воскресной школѣ. Существенное достоинство метода заключается не въ томъ, что по нему можно *скоро* обучить учениковъ тому или другому предмету, а въ томъ чтобы онъ дѣйствовалъ на учениковъ *развивающимъ образомъ*. Въ томъ и заключается главный недостатокъ стариннаго буквосочетательнаго способа, что онъ не развивалъ, а скорѣе притуплялъ способности учениковъ, дѣйствовалъ на одну память и не затрогивалъ другихъ душевныхъ способностей. На оборотъ, существенное достоинство метода легографическаго заключается въ томъ, что онъ всестороннимъ образомъ развиваетъ учениковъ,

возбуждаетъ охоту и любознательность въ ученикахъ, даетъ работу посильную и сознательную, пріучаетъ къ внимательности, возбуждаетъ и поддерживаетъ интересъ къ занятіямъ, легко, скоро и за разъ обучаетъ и письму и чтенію и наконецъ полагаетъ основы правописанія. Этотъ способъ значительно разнится отъ способа предлагаемаго бар. Корфомъ, у котораго письмо является, какъ вспомогательный пріемъ; потому что въ своемъ руководствѣ" онъ предлагаетъ, вмѣсто письма, копировку буквъ печатнымъ шрифтомъ; онъ имѣетъ въ этомъ случаѣ въ виду только то, чтобы ученики скорѣе и лучше запомнили формы буквъ, а не обучаетъ письму. Мало того, обучая грамотѣ по способу Корфа придется скоро, когда потребуется обученіе письму, разъучать учениковъ, искоренять въ нихъ нѣкоторые навыки, которые они пріобрѣли при копированіи и срисовкѣ печатныхъ буквъ; письмо же самое откладывается на довольно долгое время. Напротивъ въ легографическомъ способѣ письмо органически входитъ въ обученіе грамотѣ; обученіе чтенію и письму идетъ одновременно, параллельно; ученики то пишутъ, то читаютъ, попеременно. Это разнообразіе какъ нельзя больше соотвѣтствуетъ дѣтской живой природѣ, которая не терпитъ однообразія и скучаетъ отъ него. И на теоретическихъ урокахъ, и въ школѣ самымъ дѣломъ были указаны учителямъ пріемы знакомства съ звукомъ, какъ частію человѣческой рѣчи, а также пріемы упражненій въ письмѣ, подготовляющихъ къ самому письму, и наконецъ способъ соединенія того и другаго рода упражненій.

Для ознакомленія съ звукомъ, какъ элементомъ человѣческой рѣчи, ученикамъ указывалось на множество звуковъ, какъ они встрѣчаются въ природѣ, а для большой наглядности тутъ же производились различные звуки—стукъ по столу пальцемъ, рукою, карандашемъ, звукъ отъ перелома палочки, шелеста бумаги, звонъ колокольчика; при этомъ всѣ указанные звуки сравнивались между собою, отъ чего понятіе о звукѣ въ душѣ учениковъ уяснялось еще больше. Затѣмъ переходили къ знакомству съ звукомъ, какъ онъ встрѣчается въ царствѣ животномъ, указывались звуки, какіе издаютъ кошка, собака, лошадь, овца, корова, ворона, воробей и друг., потомъ опять шло сравненіе этихъ уже знакомыхъ дѣтямъ звуковъ. Наконецъ, переходили къ звукамъ, какъ они встрѣчаются въ человѣческой рѣчи отдѣльно—*ау*, *уа*, *ой*, *ай*, *эй*, и въ цѣлыхъ словахъ—*уши*, *оса*, *ужъ*; здѣсь слова разлагаются на звуки, и изъ звуковъ опять составляются слова. Такимъ образомъ, путемъ анализа и синтеза ученики ясное понятіе получали о томъ, что человѣческая рѣчь состоитъ изъ звуковъ и сочетанія ихъ. Рядомъ съ этими звуковыми упражненіями шли упражненія, подготовляющія къ письму, которыя имѣли въ виду развить руку и глазомѣръ учениковъ и научить письму элементовъ буквъ. Когда ученики достаточно были подготовлены къ письму, то оба рода упражненій соединялись вмѣстѣ, и обученіе грамотѣ представляло слѣдующіе пріемы: вещественный и звуковый разборъ слова *(у-ш-и)*, письмо буквъ, чтеніе написаннаго учениками, чтеніе написаннаго того же слова въ книгѣ (Родномъ словѣ), знакомство съ

печатнымъ шрифтомъ, сравненіе его съ письменнымъ, составленіе слова изъ печатныхъ подвижныхъ буквъ, чтеніе составленнаго слова, чтеніе того же слова въ книгѣ. Нѣтъ нужды замѣчать, что ученикамъ при такомъ способѣ обученія все было понятно, все интересно, ходъ занятій требовалъ со стороны ученика постояннаго вниманія, сосредоточенности. Способъ этотъ выгоденъ и тѣмъ, что выправляетъ языкъ учениковъ и уже съ первыхъ уроковъ пріучаетъ къ правописанію, т. е. изображенію звуковъ слова принятыми знаками.

Для лучшаго ознакомленія учителей съ изложеннымъ способомъ, имъ были розданы лучшія руководства: „Руководство къ преподаванію по родному слову“ Ушинскаго,—„Способъ обученія грамотѣ по первой учебной книжкѣ Паульсона, статьи Тихомірова, помѣщенныя въ народной школѣ“ особенно за прошлый и настоящій годы. Чтеніе учителями предложенныхъ имъ статей провѣрялось какъ на урокахъ въ классѣ, такъ и при практическихъ занятіяхъ въ воскресной школѣ. Недостатки, какіе замѣчались при веденіи уроковъ молодыми, подготовляющимися учителями, тотъ часъ были, сколько можно, исправляемы. А весь ходъ и веденіе урока подвергался разбору на теоретическихъ урокахъ.

Отдѣльно отъ обученія грамотѣ велось обученіе чистописанію. Здѣсь первѣе всего обращалось вниманіе на то, чтобы ученики сидѣли, держали грифель или перо и доску правильно. Эти правила никакимъ образомъ нельзя считать мелочами. Если на первыхъ порахъ ученики не будутъ пріучены дер-

жать себя правильно во время письма, то это можетъ повести къ весьма вреднымъ послѣдствіямъ: искривленію позвоночнаго столба, близорукости, слабому и неправильному развитію грудной клѣтки. Отъ учениковъ требовалось, чтобы они сидѣли прямо, неприкасаясь грудью къ столу, чтобы ноги стояли на перекладинѣ стола или полу, а не висѣли, такъ какъ это препятствуетъ устойчивому положенію тѣла пишущаго,—чтобы тетрадь или доска лежали наискось, чтобы правая рука по локоть лежала на столѣ, а ни въ какомъ случаѣ часть ея не свѣшивалась со стола, лѣвая также почти по локоть лежала на столѣ, придерживала и передвигала тетрадь. Правильное сидѣніе при письмѣ весьма много способствуетъ красивому, четкому и разборчивому письму. Буквы изучались въ генетическомъ порядкѣ, писались по графической сѣткѣ, и подъ тактъ. Графическую сѣтку ученики, по указанію учителей, приготовляли сами посредствомъ деревянныхъ квадратиковъ, которыхъ въ школѣ было достаточное количество. Дѣлать сѣтку ученики научались очень скоро, даже наклонныя линіи опредѣляли правильно. По минованіи надобности наклонныя линіи уничтожались; болѣе успѣвшіе въ чистописаніи упражнялись въ письмѣ по однимъ горизонтальнымъ линіямъ. Тактъ особенно употреблялся при первоначальномъ писаніи буквъ и отдѣльныхъ словъ. Онъ имѣетъ то важное педагогическое значеніе, что оживляетъ письмо—эту механическую работу, поддерживаетъ въ ученикахъ живость и бодрость и располагаетъ къ соревнованію; слабые и менѣе успѣшные учени-

ки стараются поспѣть за болѣе успѣшными. По мѣрѣ успѣховъ учениковъ и тактъ ускорялся. На первыхъ же порахъ, прежде чѣмъ писать ту или другую букву и слово, ученики, по требованію учителя, опредѣляли, съ сколькихъ тактовъ нужно писать букву или слово; для этого ученикамъ предварительно, нагляднымъ образомъ, было выяснено, что нужно разумѣть подъ тактомъ. При обученіи письму, учителя требовали, чтобы ученики не пачкали своихъ тетрадей. Это обстоятельство имѣетъ то важное педагогическое значеніе, что пріучаетъ учениковъ къ опрятности и аккуратности. Дидактическіе пріемы при обученіи письму были выяснены ученикамъ Семинаріи такъ же на теоретическихъ урокахъ. А для лучшаго и обстоятельнаго ознакомленія съ этимъ дѣломъ имъ было выдано руководство для учащихъ „обученію письму“ Гербача и статьи, касающіяся этаго предмета, помѣщенныя въ журналѣ „Народная школа“.

А. Поповъ.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЕ.

Экзаменъ въ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія, состоящемъ при Пензенскомъ Троицкомъ женскомъ монастырѣ.

Съ небольшимъ два года, какъ открыто при Пензенскомъ Троицкомъ женскомъ монастырѣ училище для сиротъ—дѣвицъ духовнаго званія; но и въ такой непродолжительный періодъ времени, это училище оказало самые желаемые успѣхи, какъ это показалъ произведенный въ присутствіи Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Григорія, Епископа Пензенскаго, Ректора Семинаріи Архим. Сумеона, Игуменіи и старшихъ сестеръ монастыря, а также нѣсколькихъ изъ почетныхъ лицъ г. Пензы, экзаменъ обучающимся въ названномъ училищѣ дѣтямъ.

Въ настоящій разъ, какъ и въ прошедшемъ годѣ, экзаменъ былъ произведенъ 28 Іюня.—Его Преосвященство изволилъ прибыть въ училище въ половинѣ 10 часа утра.—На сей разъ испытаніе имѣло ту пріятную особенность, что дѣти встрѣтили и проводили своего уважаемаго Владыку,—Покровителя училища,—привѣтственными рѣчами.

Дѣти, какъ видно, почувствовавъ всю цѣну того благодѣянія, какое оказано имъ заботами Архипастыря нашего въ устройствѣ для нихъ сугубо *свѣтлаго* и теплаго пріюта не могли сдерживать чувствъ

благодарности своей къ Владыкѣ и раскрыли уста свои для слова благодарности.—Какъ только пропѣта была молитва ко Святому Духу—сокровищу благихъ и Подателю жизни, воспитанница С—я произнесла привѣтственную рѣчь Его Преосвященству, въ коей выражено было чувство благодарности Архипастырю за Его вниманіе къ дѣтямъ, за то, что Онъ и послѣ многихъ трудовъ, понесенныхъ Имъ въ посѣщеніи высшихъ разсадниковъ просвѣщенія, не оставляетъ высокимъ вниманіемъ своимъ и скромнаго мѣста воспитанія сиротъ—дѣтей и несетъ свое Архипастырское благословеніе въ пріютъ ихъ, подобно великому свѣтилу вселенной, которое освѣщаетъ и согрѣваетъ не только высокія, но и низкія мѣста.—По всей справедливости надобно отнести къ чести воспитывающихъ и особенно попечительницы училища, Игуменіи монастыря Надежды, то, что рѣчь эта была произнесена ясно, рѣчисто, толково и разумно; видно было, что произносившая (имѣющая 11 только лѣтъ отъ роду) эту рѣчь не только понимала, о чемъ говорила, но и чувствовала все значеніе произносимыхъ ею словъ и это уже одно обстоятельство много говорило въ пользу училища.—Но произведенное за симъ испытаніе показало большее.

Дѣти экзаменовались: 1., по закону Божію (преподаны: краткій катихизисъ—весь, и свящ. исторія В и Н. Завѣта); 2., По Русской грамматикѣ (пройдены:—фонетика, о слогахъ, о частяхъ рѣчи: имя существ., имя прилаг., числительное, мѣстоименіе и глаголъ); 3., по Ариѳметикѣ (четыре дѣйствія надъ цѣлыми и именованными числами); 4., по чтенію

церковно-славянской и гражданской печати; 5., По чистописанію - были представлены образцы письма, а также дѣти писали и на Ариѳметической доскѣ;— 6., По церковному пѣнію, и наконецъ 7., были предложены присутствующимъ на испытаніи къ разсмотрѣнію дѣтскія работы, состоявшія въ вязаніи на спицахъ и тамбурнымъ крючкомъ, а также въ шитьѣ гладью и по канвѣ въ пяльцахъ.

Отвѣты воспитанницъ *) по всѣмъ предметамъ, пройденнымъ ими, были настолько отчетливы и разумны, что дали присутствовавшимъ возможность обращаться къ воспитанницамъ съ посторонними вопросами и, къ общему удовольствію, представили поводъ убѣдиться въ томъ, что дѣти достаточно развиты, такъ какъ отвѣты послѣднихъ были правильны, сознательны и осмысленны.—Особенно отчетливы и толковы были отвѣты дѣтей по Русской грамматикѣ (преподавалъ законоучитель, мѣстный Священникъ М. Е. Пролейскій).—Примѣры для Ариѳметическихъ дѣйствій надъ числами были даваемы Его Преосвященствомъ и не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ были довольно сложны и для дѣтскаго ума не легки,— разрѣшались правильно, чрезъ что указывали на достаточность развитія и сообразительность въ дѣтяхъ.—Въ чтеніи замѣчено также болѣе сознатель-

*) Конечно, здѣсь должно сдѣлать оговорку, относительно неодинаковости успѣховъ между воспитанницами, происшедшей отъ тѣхъ же причинъ, на которыя указано было и въ прошлогоднемъ извѣстіи. См. П. Еп. Вѣд. за 1873 г. № 14. Ч. Неофф. стр. 499 примѣч. но эта оговорка можетъ касаться только развѣ 3 учениць изъ 11 воспитывавшихся въ училищѣ.

ности и бойкости, а въ письмѣ—правильности и твердости почерка.—Во время испытанія дѣти правильно пропѣли хоромъ Дерувимскуго пѣснь" простаго напѣва; при чемъ Его Преосвященство заставлялъ пѣть и по одиночкѣ каждую изъ воспитанницъ, и въ послѣднемъ случаѣ—тонъ слышался и точный и правильный.—Дѣти также были ознакомлены и съ нотнымъ партеснымъ пѣніемъ, при чемъ, по желанію Его Преосвященства, одпа изъ воспитанницъ съумѣла задать и тонъ для пѣсни: „О Всепѣтая матп“, и когда при этомъ воспитанница, по ошибкѣ, дала тонъ С—дурный; то—по замѣчанію учительницы, что для предложенной къ пѣнію церковной пѣсни нуженъ тонъ „печальнаго напѣва"—она поправилась и задала топъ А—мольный.—Такихъ, хотя и элементарныхъ свѣдѣній въ церковномъ пѣніи па первый разъ очень достаточно для дѣтей.—Рукодѣлія отличались чистотою работы и были поощрены со стороны присутствовавшихъ пріобрѣтеніемъ дѣтскихъ рукодѣлій.

Въ продолженіе экзамена дѣтп держали себя скромно, внимательно относились къ тому, что происходило во время испытанія; подходили къ столу чинно и развязно, какихъ либо признаковъ дикости въ нихъ замѣтно не было; предъ начатіемъ чтенія Святаго Евангелія осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ. На лицахъ воспитанницъ выражались довольство и радость.

Экзаменъ окончился въ '/4 перваго часа по полудни.-Но окончаніи Экзамена, воспитанницею Г-ю была произнесена другая рѣчь предъ Владыкою и такъ же,

какъ п первая, была произнесена ясно, разумно н съ искриннимъ чувствомъ.—„Преосвященнѣйшій Владыко, говорила между прочимъ воспитанница, мы сироты; у насъ нѣтъ въ живыхъ родителей нашихъ; Ты, Милостивый Архипастырь нашъ, замѣняешь намъ родителей нашихъ, не суди же строго, благостный отецъ нашъ, о нашихъ недостаткахъ, если мы дали Тебѣ замѣтить о нихъ; суди отечески-милостиво. Если бы живы были наши родителщонп порадовались бы уже и тому, что мы научились знать Творца и Создателя нашего, научились любить Господа нашего Іисуса Христа, умѣемъ читать Святое Евангеліе, можемъ славить ихвалить Бога нашего разумно.. Благослови же насъ'Архипастырь нашъ, чтобы намъ преуспѣвать и еще болѣе н болѣе.„Да, отвѣчалъ па эти слова воспитанницы Владыка, я вижу, что вы учитесь хорошо „и прилежпо, радуюсь, что вы познали Бога Творца „нашего, узнали Господа Іисуса Христа Спасителя „нашего; вижу, что вы умѣете читать Святое Его „Евангеліе. Помните дѣти, что книга—Святое Евангеліе, нужнѣе намъ всего; если вы будете стараться „весги себя такъ, какъ научилъ насъ жить Господь „Іисусъ Христосъ; если будете молиться усердно Го„споду, если будете прилежны, скромный внимательны; то и Господъ васъ не оставитъ и вы будете „успѣвать еще болѣе; вотъ изъ среды вашей воспитанницы Е. И—я и А. С—ва лѣнились, шалили и „рѣзвились, поэтому и успѣховъ не много оказали; „но надѣюсь, что и онѣ исправятся. Будьте благодарны къ настоятельницѣ монастыря сего, попеченіямъ которой вы обязаны своимъ прекраснымъ

„пріютомъ—Молитесь за нее Богу, а также за ва-
„шего законоучителя и воспитательницъ. Любите ихъ»
„и будьте послушны имъ—Призываю на всѣхъ, васъ
„благословеніе Божіе?

Это замѣчаніе Архипастыря о двухъ» воспитанницахъ свидѣтельствуетъ» о томъ, вниманіи, съ, какимъ Владыка относится къ настоящему училищу.—Дѣло въ томъ, что во время производства испытанія отъ вниманія Его Преосвященства не ускользнула отмѣтка (сравнительно съ другими низшая, именно балломъ 4) по поведенію двухъ вышеозначенныхъ воспитанницъ; освѣдомившись у настоятельницы монастыря о причинѣ сего, Владыка узналъ, что дѣти эти много шалили, были разсѣянны, лѣнились и обижали своихъ свѣрстницъ,—н потому сдѣлалъ приличное наставленіе провинившимся.—Но не будемъ строго смотрѣть, на эти обычпыя проявленія въ мірѣ людей; есть и на солнцѣ пятна....; лучше съ благодарностію обра^тимся къ милостивому вниманію Архипастыря.... Его слово, конечно, не можетъ пройдти безслѣдно для юнаго ума и сердца....

Выразивъ свою Архипастырскую благодарность Настоятельницѣ Монастыря за отличное устройство училища, законоучителю и воспитательницамъ за очень хорошіе успѣхи дѣтей, Его Преосвященство изволилъ осматривать вновь отстроенныя монастырскія жилыя здапія, посѣтилъ—рукодѣльную, образную и нѣкоторыя изъ келлій сестеръ монастыря, а также и богадѣльню для нрестарѣлыхъ инокипь — За симъ, посѣтивъ келлій Настоятельницы монасты-

ря и преподавъ Архипастырское благословеніе всѣмъ присутствовавшимъ на испытаніи, а равно и воспитанницамъ училища, Его Преосвященство изволилъ отбыть изъ Троицкой обители въ часъ по полудни.

Архимандритъ Симеонъ.

1-е Іюля 1874 года.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Коллежскій Ассесоръ Александръ Ивановичъ Талантовъ, съ дозволенія цензуры, издавъ брошюру, въ которой изложенъ изобрѣтенный имъ особый способъ постройки несгараемыхъ домовъ, а также печей, способныхъ быстро нагрѣватъ жилыя комнаты, въ видахъ всенародной пользы отъ этихъ домовъ и печей, проситъ Пензенское Епархіальное начальство о распространеніи изданной имъ брошюры между приходскими Священниками, которые, какъ люди образованные, и сами въ своемъ быту скорѣе всего могутъ сдѣлать практическое примѣненіе изъ предположеннаго имъ, Г. Талантовымъ, способа постройки домовъ и печей, и своимъ примѣромъ и внушеніемъ расположить къ тому своихъ прихожанъ сельскихъ жителей, часто страдающихъ отъ пожаровъ и зимней стужи. Цѣну брошюрѣ Г. Талантовъ назначилъ 35 коп. сер. Въ виду сего Пензенская Духовная Консисторія въ журналѣ 26 Іюня положила и Его Преосвященство утвердилъ: Предложить духовенству Пензенской Епархіи, чрезъ пропечатаніе въ Пензенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ о выходѣ настоящей брошюры съ тѣмъ, чтобы желающіе ознакомиться съ содержаніемъ брошюры и примѣнить къ дѣлу, способъ постройки домовъ и печей указываемый въ сей брошюрѣ, заявили свое желаніе пріобрѣсти брошюру въ томъ или другомъ количествѣ и чрезъ Благочинныхъ донесли Консисторіи, которая потомъ и можетъ потребовать отъ Г. Талантова нужное число экземпляровъ брошюры.

ОГЛАВЛЕНІЕ НЕОФФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Редакторъ: Ректоръ Пенз. Семин., Архимандритъ **Сvмеонъ**.

Дозволено цензурою. Пенза, 1874 г. Іюля 1 дня.

Цензоръ: Учитель Семинаріи, Священникъ **М. Шестаковъ**.

Печатано въ Пензенской Губернской Типографіи.

